

Н.В. Кравцова

Братья Поджио
и Н.Чижов

г. Николаев
Издательство Ирины Гудым
2012

УДК 94 (47+57) «1825/...»
ББК 63.3 (2) 521-425
К 78

Кравцова Н.В.
К 78 Братя Поджио и Н.Чижов – Николаев: Издательство Ирины
Гудым, 2012. – 80 с.: ил.

ISBN 978-617-576-046-8

УДК 94 (47+57) «1825/...»
ББК 63.3 (2) 521-425

ISBN 978-617-576-046-8

© Кравцова Н.В., 2012
© Издательство Ирины Гудым, 2012

Семья Поджио, их время и судьбы

Вместо предисловия

Думаю, что некоторых краеведов смущали разночтения в биографии отца декабристов братьев Поджио.

По одним источникам, Витторио Амодео Поджио, уроженец г. Навара (Северная Италия), поступил на русскую службу в 1770 году по протекции де-Рибаса в качестве медицинского служащего – подлекаря. По другим источникам, он числился подлекарем при главной квартире российской армии с 80-х годов.

Воспоминания его младшего сына – Александра Поджио – дают более романтическое объяснение приезда родителей в Россию, основанное якобы на рассказе матери – Магдалины Даде-Поджио. Она объясняла, что: «Витторио, преследуемый за нанесенную опасную рану в порыве ревности какому-то счастливому сопернику в любви, воспользовался предложением Иосифа де-Рибаса и отплыл с ним из Ливорно в Россию. Таким образом избежал преследования уже и без того ненавистного ему правительства».

Но эта легенда никак не раскрывает первые годы службы итальянца Поджио в России.

В некоторой степени эту тайну семьи приоткрывает нам знакомство с воспоминаниями венесуэльского путешественника Миранды, который узнал лично со слов Витторио Поджио о его службе другого характера.

Ну а пока – все по порядку.

Д.С. Самойлович

Г.А. Потемкин

В 1783 году готовился инспекционный визит Екатерины II на присоединенные южные земли, но из-за эпидемии он был отложен.

Весной этого года на юге Украины вспыхнула эпидемия чумы. Только в Херсоне за семь месяцев погибло 3774 человека. Екатерина II обращается к Потемкину: «Пронесся слух по здешнему народу, будто язва в Херсоне свирепствует и будто пожрала большую часть адмиралтейских работников. Сделай милость, приими сильной рукой за истребление херсонской язвы».

Потемкин пишет к Самойловичу (Сущевскому): «Известное искусство и Ваше прилежание пробудили меня вам поручить главное, по должности медика, наблюдение всех тех способов, которых употребление есть нужно ко утешению и искоренению открывающихся иногда прилипчивых болезней. Херсон, потерпевший от заразы и по соседству с турками, близкие к сему несчастию, должен быть первейшим попечения вашего...».

Г.А. Потемкин выписывает доктору Д.С. Самойловичу ордер: «...о направлении его в Херсон на борьбу с эпидемией чумы».

А.В. Суворов

Иосиф де-Рибас

Самойловичу в то время было всего 30 лет. Он уже имел опыт борьбы с чумой в Москве, несколько научных работ по этой теме, докторскую степень. Был полон дальнейших научных планов по разработке методов борьбы с этим заболеванием. Но планы приходится менять, и он принимает предложение Потемкина. Уже в июле Самойлович организует карантин на острове близ Херсона, назначает туда доктора. Принимаются меры по изоляции больных, ужесточению санитарно-эпидемиологических требований, вводятся новые методы лечения. Его постоянный контроль над работой госпиталей, лазаретов, карантинных не замедлил дать результаты.

Чума отступила, но карантинные бараки еще сохранялись.

Путевой дневник Миранды и тайна Поджио

Франсиско Миранда¹ был одним из руководителей борьбы венесуэльского народа за независимость испанских колоний в Америке. Патриоты Венесуэлы в то время не добились своими силами независимости, а европейские страны не оказали им поддержки. После своей поездки по Европе Миранда решает посетить Россию. Он заполучил рекомендательное письмо от российского посланника в Стамбуле Я.И. Булгакова, в котором содержалась просьба генерал-майору Я.Н. Репнинскому – начальнику херсонского гарнизона – способствовать поездке венесуэльца.

Дело в том, что еще с 22 февраля 1784 года Херсон, Севастополь и Феодосия были объявлены открытыми для всех народов, дружественных Российской империи. Иностранцы могли свободно приезжать и жить в этих городах, принимать российское гражданство.

7 октября 1786 года, к 4 часам пополудни, судно «Цезарь Август» уже находилось в пяти милях от Херсона. Из-за отсутствия ветра на берег были высажены люди, которые вчетвером при помощи каната дотянули судно до берега. К наступлению темноты пассажиры добрались до карантинного барака, в 30 милях от пристани Глубокой. Гавань Глубокая (или Глубок) в устье Днепра служила в то время перевалочным пунктом для торговых судов.

Но ко времени прибытия Миранды место Репнинского занял вновь назначенный генерал Текели, который отличался немногословием, в мирной службе медлительный, нерешительный, он не дал возможности таможенникам карантина улучшить условия прибывшим, поэтому они были вынуждены ютиться в холодном, необустроенном бараке вплоть до 9 ноября. Весь этот месяц Франсиско стойко переносил неудобства быта, холод и все время работал над дневником, восполняя пропуски в записях впечатлений о Европе.

¹ Ф. Миранда – венесуэльский патриот, предпринявший путешествия по Российской империи, побывавший на побережье Черного моря в 1786 году.

Франсиско Миранда

После получения пропуска и разрешения покинуть карантинный барак Миранда встретился с консулом Розаровичем,¹ с которым они поехали в Херсон. Консул представил Франсиско заместителю командующего – князю Вяземскому², начальнику крепостных сооружений полковнику Корсакову и господину Мордвинову – начальнику морского арсенала и военного флота.

С этого времени Миранда был окружен вниманием и заботой как высшего начальства, их семей, представителей консульств, так и рядовых офицеров. Днем, когда позволяла погода, его знакомили с дислокацией полков в окрестностях Херсона, со строящимися крепостными сооружениями, с арсеналом, его природными стапелями, на которых уже стояли 80-пушечное судно и близкое к завершению 66-пушечное. Вечера проходили в развлечениях игрой в карты, лото, с обедами и ужинами. Гость особенно сдружился с семьей Вяземских. Между тем он с интересом присматривался к окружающим его офицерам, отмечая в своем дневнике особо понравившихся своей образованностью и заинтересовавших его лиц: Мордвинова³, князя П.Н. Долгорукова⁴, полковника Корсакова и других.

В дневнике за первое декабря он пишет о посещении головного госпиталя, что находился на расстоянии приблизительно одной мили⁵ от города. Миранда отметил его неплохую постройку и планировку.

В своем дневнике,⁶ в пометке за 9 декабря, Франсиско пишет: **«...беседовал с одним итальянцем, уроженцем Пьемонта,**

¹ Розарович Иоганн – австрийский генеральный консул в Херсоне.

² Князь Вяземский (1750-1807) – генерал-майор, всесторонне образованный, много путешествовал, сочувствовал идеям Просвещения. Княжеская чета Вяземских – родители знаменитого впоследствии поэта и литературного критика П.А. Вяземского.

³ Н.С. Мордвинов (1754-1845) – в дальнейшем видный военный и государственный деятель, вице-президент Адмиралтейской коллегии и морского министерства.

⁴ Князь Долгоруков П.Н. – драгунский полковник, состоящий в дальнем родстве с военачальником В.М. Долгоруковым-Крымским.

⁵ Миля – путевая мера длины, менее двух километров.

⁶ Дневник Миранды – «Путешествие по Российской Империи. На побережье Черного моря». – Стр.41 (перевод с испанского. «Наука». Интерпериодика, 2001 год).

П.Н. Долгоруков

Н.С. Мордвинов

господином Поджио, офицером на русской службе, ранее – у крымского хана, а ныне адъютантом генерал-поручика Самойлова (племянника князя Потемкина) – только что прибывши из Петербурга». Они должны были подготовить квартиру для своего начальника. «...названный офицер сообщил также, что отбытие государыни в Крым назначено на второе февраля будущего года, а князь Потемкин остается в Кременчуге... Этот человек, Поджио, по его словам, находился в Крыму при татарах, побывал в Константинополе, Греции и так далее. У него стройная фигура и хорошие манеры.»

После 25 декабря прибыл князь Потемкин, с ним – А.В. Суворов, Осип де-Рибас, принц Нассау и другие. Адъютант Рокосовский пригласил Миранду к Потемкину, который хорошо принял гостя и предложил ему проехать в Крым, так как необходимо было проверить готовность маршрута к приезду Екатерины II. До поездки по Крыму Миранда был критически настроен по отношению к российской политике дискриминации коренного населения. И как-то, после беседы с Поджио, Миранда написал в своем

дневнике: «...затем я имел продолжительную беседу с адъютантом Самойлова¹ господином Поджио, служившим ранее в Крыму хану Шагин-Гирею. Из этого разговора я извлек интереснейшее сведение: оказывается, русские заставили выехать оттуда 65 тысяч с лишним греческих и армянских семей (христиан) с целью заселения Екатеринославской губернии... Возможно ли, что еще творятся подобные бессмысленные дела и что деспотизм не осознает пагубных последствий несправедливости и насилия? Тем не менее господин адъютант, на мой взгляд, величайший подхалим или, может быть, полнейший невежда – старался убедить нас, что это был выдающийся политический шаг...».

Кто же такой офицер Поджио? В книге Марио Корти «Другие итальянцы: врачи на службе России» есть глава «Отец декабристов», где автор сообщает, что «до присоединения Крыма к России уроженец города Навара служил лейб-лекарем² последнего крымского хана Шагин-Гирея».

Впоследствии в семье Поджио детям не принято было об этом говорить.

Борьба за Крым

Начиная с 70-х годов Россия вела долгую и упорную борьбу за присоединение Крыма. Как свидетельствует история, в этих целях, кроме военных действий, был привлечен на российскую сторону один из молодых представителей династии Гиреев – Шагин.

С юношеских лет он проявлял большую любознательность и показал свои способности к наукам и языкам. Восемнадцатилетним юношей мать увезла его в Фессалоники – в Грецию, и через некоторое время он переехал в Италию, где также продолжал обу-

¹ Самойлов А.Н. (1744-1814) – племянник князя Потемкина. Граф. Командовал Таврическим егерским корпусом, отличился при покорении Крыма, назначен был начальником войск при Херсоне.

² Лейб (нем.) – первая составная часть сложных слов, обозначающая: состоящий при монархе (лейб-медик, лейб-гвардия).

Сахиб II Гирей

Шагин-Гирей

чение. Возможно, там уже пересеклись пути итальянца Витторио Амандо Поджио и татарина Шагина.

После возвращения из Италии Шагин стал командиром ногайцев едисанских¹ на Кубани. Там он вступил в союз с их вождем Джан Мамбетом, союзником России. Когда в Крыму вступил на престол Сахиб II Гирей, Шагин, будучи его братом, стал калгой.²

Для засвидетельствования доверия и дружбы с Россией калга выезжает в Петербург. Шагин обратил на себя внимание Екатерины II. В ее письме к Вольтеру императрица сообщает: «...у нас здесь в настоящее время паша-султан, брат независимого хана крымского; это молодой человек двадцати пяти лет, умный и желающий себя образовывать... крымский дофин³ – самый любознательный татарин: он хорош собою, умен, образован и не по-татарски, пишет стихи, хочет все видеть и все знать. Все полюбили его».

¹ Едисанские ногайцы – группа народностей, проживавших на Северном Кавказе.

² Калга – преемник хана.

³ Дофин – престолонаследник.

Шагин пробыл в Петербурге год, и с ним уже был лейб-доктор Поджио. После возвращения Шагин как бы уходит в тень бахчисарайской свиты и открывает для себя царящие в ней интриги.

Когда Екатерина II послала к татарскому хану ногайских вельмож с дипломатической миссией, хан отверг предложение России, а ее послов велел казнить, тогда Шагин заступился за них и тем самым спас от казни.

Отказ хана от предложения вызвал ответные действия, и русские войска заняли Крым. Турецкие войска двинулись на Кафу (Феодосию), но были отбиты.

Крымчаки отказались от турецкой зависимости и вступили в предложенный союз с Россией. Но Турция еще неоднократно отправляла свои войска, чтобы отстоять Крым.

В итоге военных действий в 1772 году в Карасубазаре крымский хан подписал с князем Долгоруковым договор, по которому Крым объявлялся независимым ханством под покровительством России.

Однако ситуация в Крыму оставалась неопределенной и сложной. Турция хоть и согласилась на признание независимости Крыма, готовилась к новой войне. В руках турецкого султана, как верховного калифа, была религиозная власть, что оставляла возможность реального давления на Крымское ханство.

Крымские татары разделились на две группы – русской и турецкой ориентации. Столкновения между ними выливались в кровопролитные сражения. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, турки должны были уйти из Крыма, но не спешили и опять расположились в Кафе¹.

Действия турок дали возможность русской армии снова войти в Крым. В это время в Крыму объявляется русский ставленник – Шагин-Гирей. Русская армия освобождала Крым от перешедших на сторону Порты татар, а Шагин-Гирей высаживается в Еникале. Большая часть местной татарской знати перешла на его сторону. Шагин-Гирей был избран крымским ханом. В его штате было 152 человека, среди них: русские извозчики, плотники, серебряники, каменщики, золотошвей и один лекарь (предполагаю – В.Я. Поджио).

¹ Кафе – Керчь.

Чтобы избежать каких-либо провокаций, 16 мая 1778 года А.В. Суворов обратился к своим войскам со специальным приказом, по которому русские должны были «соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиянами и разных званий обывателями».

Турки еще неоднократно намеревались высадить в Крыму десант, но твердая позиция Суворова и его войск не позволила им сделать этого.

10 марта 1779 года Россия и Турция подписали Анайлы-Кавакскую конвенцию: Россия должна была вывести войска из Крыма, а Порта – не вмешиваться во внутренние дела ханства. Турция признала Шагин-Гирея крымским ханом и подтвердила независимость Крыма, а для русских судов – право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы.

Шагин-Гирей видел в покровительстве России благоденствие Крыма и пытался провести в ханстве реформы по русскому образцу: учредил новые органы управления, конфисковал земли крымского духовенства, стал вводить европейскую культуру, пытался создать армию европейского типа. Он перенес свою резиденцию снова в Кафу и сделал ее промышленным центром. Все эти меры шли вразрез с татарскими обычаями и интересами. Шагин-Гирей превратился для своего народа в изменника и вероотступника. В 1781 году вспыхнул бунт. Этим воспользовалась Турция, при ее поддержке новым крымским ханом был провозглашен Махмут-Гирей, а Шагин бежал в Керченский русский гарнизон. Войско нового хана было разбито, и снова восстановлен Шагин-Гирей, но он, вернувшись в Бахчисарай, ввел казни, чем вызвал очередной мятеж. Через генерала Самойлова Екатерина II посоветовала Шагин-Гирею добровольно отказаться от ханства и передать Крым России. В феврале 1783 года Шагин-Гирей отрекся от престола, и манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 года Крым вошел в состав Российской империи.

В этом же году императрица направляет в Крым М.И. Кутузова, который решил все дипломатические и политические проблемы, касающиеся российского присутствия на Крымском полуострове. В июне в Карасубазаре, на вершине горы Ак-Кая, князем Потемкиным была принята присяга крымской знати и предста-

вителей всех слоев населения полуострова на верность России. Шагин-Гирей со своей свитой выехал в город Воронеж, а лейб-лекарь хана В.Я. Поджио становится адъютантом российского генерала Самойлова.

Подготовка к очередной войне

К1787 году военно-политическая ситуация в России была более напряженной, чем перед войной 1768-1774 годов. В первой войне Турция потерпела поражение из-за собственной неподготовленности и самоуверенности. На этот раз Порты готовилась серьезно. Но и российская армия уже не была прежней. Этому способствовали меры по подготовке и проведению военной реформы. Эта реформа российской армии была в целом завершена. После нее армия стала сопоставима по численности с сильнейшими европейскими армиями того периода – французской и австрийской. А главное – с высоким качеством вооружения и снаряжения, отменной выучкой и появлением профессионального национального офицерского корпуса. Теперь Россия могла вступать в европейскую политику не как придаток к одной из великих держав, а в качестве самостоятельной силы, способной поддерживать свои интересы силой оружия.

В период визита императрицы было проведено несколько больших маневров, в ходе которых Екатерине II и ее свите, включая иностранных дипломатов, была продемонстрирована выучка новых родов войск – легкой кавалерии и егерей¹, главной ударной силы регулярной армии – кирасиров, гренадеров и артиллерии.

В больших маневрах участвовало 45 эскадронов конницы и многочисленная пехота.

А уже через месяц после этой «демонстрации силы» началась очередная русско-турецкая война. Прямо с маневров армия двинулась на юг.

Сборным пунктом русской действующей армии был назначен Ольвиополь (Первомайск). Сюда были стянуты основные силы

¹ Егерские войска – отборная пехота, приученная к рассыпному бою, меткой стрельбе, индивидуальной схватке.

Екатерина II

главнокомандующего Г.А. Потемкина, насчитывающие более 82000 человек, 180 орудий. Их дислокация была рассредоточена между Ольвиополем, устьем реки Ингул, а позднее и устьем Буга. Такое скопление людей, жесткие полевые условия и наступившие холода вызвали высокую заболеваемость среди военнослужащих, что заставило доктора Д. Самойловича вновь совершить поездку в наши края, к устью Ингула, потом в Херсон. Командующий войсками города Херсона генерал А. Самойлов в рапорте Потемкину говорил о блестяще выполненной миссии прекрасного врача и организатора Д. Самойловича, «неусыпные труды которого заслуживают награждения орденом Святого Владимира». Но до награждения дело не дошло.

В 1787 году Самойлович готовился возглавить медико-хирургическую школу в Москве, но его срочно отправляют в район Кинбурнской косы, где уже с 13 августа шли ожесточенные бои с турками. 1 октября командующий войсками А. Суворов был ранен в грудь и руку, и Самойлович лечил его более месяца.

В рапорте Потемкину Суворов так писал о своем враче: «Доктора Самойловича труды и отличные подвиги, испытанные в здешних местах, небезызвестны Вашей милости... и я в числе оных по справедливости могу отозваться, что его искусством и трудами весьма доволен». А.В. Суворов ходатайствовал о награждении прекрасного человека и великого врача орденом Святого Владимира. Самойлович длительное время находился на Кинбурне, каждые 2 недели наезжал в Херсон для осмотра больных и раненых. Губернские врачи и Самойлович использовали большие кибитки из войлока, что остались после конных поездок царицы, в помощь больным и раненым. Одновременно ему было поручено найти наиболее подходящее место для разворачивания крупного госпиталя на 1 тысячу мест. Он посетил 5 городов, но окончательно определил место в селе Витовка, которое позже будет названо графом Потемкинским Богоявленским. Здешняя вода оказалась доброкачественной, что является редкостью для Причерноморья, и место вблизи фронта – удобным, с сухопутными дорогами и водными путями.

Екатеринославский губернатор Нащекин получил специальное предписание к строительству госпиталя: «построить лучший госпиталь с камня, чтобы им херсонские больные пользовались,

Сражение при Кинбурне. 1 октября 1787.

Гравюра Иоганна Мартина Вилля

считая это место и воду несравненно здоровее от херсонской, а настоящие палаты госпитальные превратить в магазины¹. И сад аптекарский там развести».

Здания возводились из мелкого бутового камня на глине, без перевязки в кладке из крупных камней. Стены бывшего Витовского госпиталя стоят уже более 200 лет. Главным врачом в новом госпитале был назначен Д. Самойлович.

Порядочный и честный человек, полностью посвятивший себя больным, не выносил жуликов и выгнал немца-аптекаря за воровство. Но тот отомстил самоотверженному врачу – написал ложный донос. Самойловича уволили. Известный всему миру врач остался без работы.

Он неоднократно обращается в Адмиралтейство. Через два года ожидания доведенный до отчаяния безработный Самойлович написал царице: «Я первый обосновал и обустроил Витовский, ныне Богоявленский, госпиталь, где с 1788 года по май 1790 года были на

¹ «Магазинами» назывались пункты, где сосредотачивались военное обмундирование и провиант.

руках моих на протяжении всего времени 16 тысяч больных военнослужащих... Из них вылечилось 13824 и осталось на май месяц 1038 человек. Я слабый, больной, имею жену и двух малолетних детей. Прошу Вас меня трудоустроить или назначить пенсию».

Эту просьбу – «крик души» – пишет известный уже в то время ученый, член 12-ти Академий наук разных стран, врач, спасший тысячи больных и раненых. Каков был ответ императрицы и был ли он, нам неизвестно.

Война за Северное Причерноморье

Не желая примириться с результатами русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов, Турция в июле 1787 года предъявила ультиматум, потребовав от России возвращения Крыма, согласия на осмотр русских торговых судов, проходящих через проливы.

Не получив удовлетворительного ответа, турецкое правительство 23 августа объявило России войну.

Россия воспользовалась ситуацией, решила вытеснить турецкие войска из Северного Причерноморья. В октябре А.С. Суворов вытеснил шеститысячный десант турок, которые попытались захватить устье Днепра на Кинбурнской косе. Затем последовали победы русской армии под Очаковым, Фидониси, в Керченском проливе и у острова Тендра (1790 год).

Противник не согласился принять российские условия, и военачальники и дипломаты России пришли к решению, что завершению мирных переговоров поможет взятие хорошо укрепленной турецкой твердыни – крепости Измаил.

Суворов прибыл под Измаил 2 (13) декабря 1790 года. В течение 6 дней шло обучение войска штурму, 2 дня – артиллерийская подготовка, и 11 (22) декабря, в 5 часов 30 минут утра, начался штурм. Уже к 8 утра укрепления были заняты, но на улицах города шли бои до 16 часов. Турецкие потери составили более 26 тысяч убитыми, 9 тысяч взято в плен; потери русской армии: 4 тысячи 582 – убитыми, 6 тысяч – ранеными. Было захвачено у Турок 265 орудий, 3 тысячи пудов пороха, 400 знамен, провиант и драгоценности. Командантом крепости был назначен М.И. Кутузов.

де Ланжерон

Дюк де Ришелье

*Суворов и Кутузов перед штурмом Измаила в 1790 г.
Худ. О.Г. Верейский*

*Копия гравюры С.П. Шифляра
«Штурм Измаила 11(22) декабря 1790 года»*

В официальном списке медицинских чинов, работающих в Богоявленском госпитале, фамилия Поджио не числится, но во время военных действий русско-турецкой войны по инициативе Д. Самойловича было развернуто немало прифронтовых лазаретов и госпиталей, в которых мог работать лекарь Поджио. Хорошо известно, что за участие в сражении при взятии Измаила он за храбрость произведен в секунд-майоры.

В дальнейшем Поджио – активный член Черноморской гребной флотилии, в которой он плечом к плечу сражался с Рибасом, Ришелье, Ланжероном, де Воланом, Рибопьером и другими.

Дело в том, что в XVIII веке участие европейцев в военных действиях против Порты было для многих из них делом чести, а не только стремлением к получению больших воинских почестей, карьеры и денег.

Если мы внимательно проследим служебную карьеру подлекаря из Флоренции, то должны отметить, что его жизнь неразрывно связана с вышеперечисленными героями, а также с Суворовым, Потемкиным, Самойловым, Самойловичем. В 1783 году Поджио служит в Петербурге вместе с Самойловым в качестве его адъютанта. В 1790 году он продолжает оставаться адъютантом А.Н. Самойлова, а затем служит под командованием Рибаса.

Рождение сыновей

В 1791 году в Николаеве начинается строительство специального дома по улице Наваринской, №3, на углу Никольской, для господина генерал-майора де-Рибаса. Тогда же Виктор Яковлевич Поджио вместе со своей женой Магдалиной Даде-Поджио поселяется по соседству с патроном, по другой стороне улицы Наваринской. Дом Поджио сохранился до настоящего времени, на нем укреплена мемориальная доска (художник В. Машков). 30 августа 1792 года в этом доме родился первенец семьи Поджио. 22 ноября этого же года настоятель николаевской церкви святого Иосифа крестил сына Поджио – Иосифа, названного в честь де-Рибаса. В это время у де-Рибаса случился очередной приступ ревматической лихорадки, и он находился в Николаеве с 1792 года по 1795 год, но только зимой, осенью и весной. Подтверждает его пребывание в Николаеве письмо А.В. Суворова: «Я получил Ваше любезное письмо из Николаева, которое крымский курьер доставил мне месяц с небольшим после отправления». Письмо было датировано 16-ым января 1795 года. В летние месяцы он выезжает в Хаджибей.

Дом Рибаса

Есть сведения, что де-Рибас использовал время, проведенное в Николаеве, для составления генерального плана Хаджибея, привлекая к его разработке и чертежам гаваней, пристаней и основных построек военного инженера Ф.П. де Волана. Хотя в августе 1794 года де-Рибас, уже как начальник экспедиции строительства города и порта Хаджибея, вручает князю Григорию Волконскому «открытый лист» №1 – право на владение участком, а через несколько дней состоялась закладка основных портовых сооружений и дома Г. Волконского.

Участие в строительстве Одессы

В сентябре 1794 года в ходе первого отвода земельных участков под жилую застройку на территории Хаджибея лучшие места – близ нынешнего оперного театра – получили наиболее залуженные офицеры: генерал-поручик Г. Волконский, инженер-подполковник де Волан, секунд-майор Кирьяков и секунд-майор Поджио, в четвертом квартале военного форштадта, на углу нынешних улиц Дерибасовской и Ришельевской.

В 1796 году Виктор Яковлевич выходит в отставку и посвящает себя строительству не только общественных зданий, но и своего дома. По существующим тогда правилам, отведенный участок следовало построить в 2 года, в противном случае его могли отобрать и передать в другие руки. Во всяком случае, выход его в отставку связан с обретением собственности. А через год, в 1798 году, в Николаеве в его семье рождается второй сын – Александр.

В 1797 году горожане избрали майора Поджио в Одесский городской магистрат. Основным его занятием были крупные казенные и частные строительные подряды: поставка камня – известняка, ракушечника. В этот период Поджио занимался на паях с родственником адмирала де-Рибаса – Феликсом Михайловичем, отчего в 1799 году у них даже возник серьезный имущественный спор. Отставной секунд-майор Поджио занимался самыми значительными объектами: сооружением театра и городского госпиталя (нынешней городской инфекционной клинической больницы). Подряд на строительство театра составлял 25 тысяч рублей. Как

свидетельствуют архивные документы, он строил оба объекта параллельно с весны 1805 г. под надзором своего соотечественника архитектора Франческо Фраполли, получая от казны дефицитные тогда в городе строительные материалы: мачтовые деревья, кровельное железо. Работал он очень ответственно. При освидетельствовании театра и госпиталя авторитетной комиссией Одесского строительного комитета оказалось: многие виды работ сделаны с немалым избытком по той причине, что опытный подрядчик, видя отдельные просчеты проекта, исправлял их, например, расширил фундамент. Ему впоследствии компенсировали сверхсметные расходы. Глядя на монументальную центральную часть больницы, трудно поверить, что в тех условиях ее можно было возвести за 2 года. Театр строился дольше, но это самое приметное в старой Одессе сооружение, оно было достроено весной 1809 года.

Дом Поджио (ему принадлежали и другие, например, один из них примыкал к саду Феликса Дерибаса со стороны Преображенской) – вообще один из самых первых и лучших домов города. Можно представить себе, как старательно строил свой собственный дом Поджио. Неслучайно его дом нанимал Ришелье. Есть запись от второго февраля 1805 года: «майорше Магдалине Поджио за нанятый для градоначальника де Ришелье дом, с 15 апреля 1804 года, за шесть месяцев следует заплатить 600 рублей и за флигель в том же доме, нанятый на 2 месяца, – 70 рублей». Из чего следует, что Ришелье и его канцелярия размещались в доме Поджио. Олег Губарь – известный одесский краевед – отмечает, что «А.А. Скальковский в числе первых лучших частных строений называл всего лишь 2 дома – майора Виктора Поджио и почетного гражданина Евтея Кленова».

В.Я. Поджио умер 29 августа 1812 года от чумы. Это был первый этап эпидемии, тогда, до объявления карантина, умерших хоронили на общем городском кладбище. Но могила В.Я. Поджио не была найдена.

После кончины Виктора Яковлевича дом достался его вдове и сыновьям. Одесские краеведы установили, что «в 1821 – 1823 гг. чиновник, статский советник, а затем действительный статский советник Лучиано Григорьевич де Кирико, скупая в Одессе недвижимость, купил и дом Поджио. В 1824 году оценка этого дома

составляла 80 тысяч рублей, а прибыли он давал ежегодно 5 тысяч рублей».

Судя по воспоминаниям младшего сына Поджио, Александра, дом их в Одессе был двухэтажный, каменный, и их семью часто посещали друзья отца: «...не говоря уже о Рибасе и его братьях, которые постоянно исключительно к нему были расположены, могу назвать герцога де Ришелье, графа Ланжерона, князя Г.С. Волконского и самого Суворова, который постоянно останавливался у нас проездом через Одессу. Помню рассказы матушки о посещении этого полководца – чудака великого. Как в угодность ему выносились из каменного дома нашего, едва ли ни единственного тогда в Одессе, все зеркала и мебель, обшитая штофом, вывезенная из Неаполя, и на место этой мебели ставили простые скамьи. Ему готовилась самая простая пища. С горячим увлечением говорил он с матушкой по-итальянски».

Отважные сыны Отечества

Начиная с 1815 года в России возникают тайные общества молодых людей. Герои войны 1812 года, возвратясь домой, впервые ощутили потребность менять уклад и жизнь страны, в них пробудилось чувство независимости, и оно положило начало свободомыслию. Михаил Орлов, приближенный ко двору генерал, создает в Петербурге тайную организацию – Орден русских рыцарей. Уже потом, после Сенатской площади, он написал в своих показаниях: «Я решил образовать тайное общество молодых людей, чтобы бороться против коррупции и других правонарушений, которые весьма часто отмечаются во внутреннем управлении страной».

В 1816 году группа офицеров создает тайное общество «Союз спасения», в котором молодые люди, гвардейские офицеры, поклялись, что единственной целью их жизни будет борьба против крепостничества, за введение конституционных законов, ограничивающих абсолютизм». Особенно жесткие порядки насаждались тогда в армии. Декабрист Александр Поджио по поводу аракатеевских порядков писал: «Палками встречали несчастного

рекрута при вступлении его на службу, палками его напутствовали при ее продолжении и палками передавали в ожидавшее его ведомство после отставки».

В 1818 году на основе «Союза спасения» возникла новая тайная организация – «Союз благоденствия». В Тульчине создается тайное Южное общество, а в Петербурге – Северное общество. В 1822 году на юге организуется Васильковская управа, как часть Южного. В начале 1823 г. в Новгород-Волынске создается Общество соединенных славян, которое в 1825 г. вошло в состав Южного общества. Все они искали путь для будущего России. В целом в декабристском движении «географически» представлена была вся Россия. Непросто понять, какая сила соединяла всех этих людей: богатых привилегированных дворян, скромных провинциальных благородных сословий, бедных разночинцев – у них был «общий дух жизни».

Даже Гавриил Батеньков после двадцатилетнего одиночного заключения – и тот жил этим духом. Во время следствия по делу декабристов Петр Каховский заметил: «Мы не составлялись в обществе, но, совершенно готовые, в него лишь соединились. Начало и корень общества должно искать в духе времени и положении, в котором мы находились».

Члены Союза благоденствия были «оформленные», но было немалое число фактически сочувствующих, поддерживающих. Членам Союза благоденствия предлагались на выбор 4 отрасли, в которых можно было действовать: **человеколюбие, образование, правосудие, общественное хозяйство**. Они поднимали такие вопросы, как:

порицать:

- Аракчеева и Долгорукого;
- военные поселения;
- рабство и палки;
- леность вельмож;
- слепую доверчивость правителям канцелярии;
- жестокость и неосмотрительность полиции при первоначальных следствиях;

желать:

- открытых судов и вольной цензуры;

А.В. Поджуио

хвалить:

- ланкастерскую¹ школу и заведения для бедных.

Это – из памятных записей активного члена тайного общества Ф.Н. Глинки. Эти вопросы были как бы планом в течение трех лет. Ими решались и практические дела, например, помещик Маслов не выпускает на волю крепостного поэта Серебрякова, требуя огромный выкуп. Совет собирает выкуп. Федор Глинка пьет горячую воду вместо чая, откладывая деньги на выкуп поэта.

Другой помещик запирает неугодного раба в доме сумасшедших, члены общества узнают, начинается скандал, человека отпускают. Таких случаев было много. Обличались взяточники, утесненные получали защиту, были выпущены сидящие по оговору, пересматривались дела невинных заключенных. Блестящий гвардеец, бывший лицеист Иван Пущин уходит в надворные судьи, чтобы начать борьбу с беззакониями московского правосудия. Распространяются ланкастерские школы. В.Ф. Раевский, обучая солдат грамоте, говорил им о революции. И когда его судили, то это было одним из обвинений. В задачи Союза входило: формирование общественного мнения, использование печати, частные знакомства. Среди членов и их товарищей был как бы девиз: «Стыдно не делать добро!».

Никита Муравьев говорил: «...было бы наивно думать, что крепостное право может пасть от одного “общественного мнения”». Однако в деятельности Союза была и другая – потаенная – сторона: выйти за рамки «образованного общества», начать агитацию в народе. Была напечатана «Зеленая книга» – устав Союза. Для народа был предназначен «Любопытный разговор» Никиты Муравьева, написанный им в 1820 году.

Одним из очагов декабризма на юге России была Каменка, имение Давыдовых. Здесь часто собирались вольнодумцы, ведя горячие споры о пользе тайного общества, о путях развития общественно-политической жизни России. Здесь царил дух преобразования жизни народа.

¹ Ланкастерская система обучения старшими учениками младших школьников.

Судьба Иосифа Поджио

Иосиф Викторович Поджио – старший сын семьи – получил превосходное образование в иезуитском пансионе в Петербурге. Это учебное заведение давало хорошие знания не только в теологии, но и в прикладных науках и военном деле. В 1812 году участвовал в военных действиях, в Бородинском сражении, в заграничных походах: при переходе через Неман, в герцогстве Варшавском, в Пруссии, в Саксонии, при Лютцене, Бауцене, штурмовал крепость Модлина. После возвращения домой он обвенчался с дочерью торопецкого помещика Елизаветой Матвеевной Челещевой и получил в приданое сельцо Знаменское с прилегающими землями.

Через 2 года после женитьбы, в 1823 году, в звании штабс-капитана подал в отставку и вместе с женой и тремя детьми уехал в имение матери Яновка, чтобы поправить запущенные дела. Елизавета Матвеевна умерла во время родов четвертого ребенка. Иосиф стал вдовцом в 30 лет. Он переводится в Днепровский полк, стоящий по соседству с Яновкой.

В этот период младший брат Иосифа – Александр – уже был членом Южного, а затем Северного общества, осуществляя связь между ними, как ближайший сподвижник Пестеля. Он и привлек в общество декабристов старшего брата.

Собирались декабристы чаще всего в Каменке под предлогом дней рождения хозяйки, членов семьи и других праздников. На тайных собраниях Поджио-младший высказывался за установление республики, за убийство царской семьи, за более энергичные меры по борьбе с самодержавием. В отличие от младшего брата Александра, Иосиф не был убежденным вольнодумцем, и семейные проблемы не давали ему возможности быть активным членом общества. Но в душе он разделял их взгляды, ведь вместе с солдатами и офицерами русской армии с отчаянной храбростью сражался на поле боя и понимал, что главная заслуга в победе над Наполеоном принадлежит народу, который заслуживает лучшей жизни.

Иосиф решил продолжать службу, а уволился в отставку в чине штабс-капитана в 1825 году. Дети росли, занималась ими его мать

Иосиф Поджио

в Яновке. Он стал чаще посещать заседания Южного общества, его привлекали не только встречи с друзьями, но и верховая езда, купания, шумные обеды, но особенно – возможность встречаться с Марией Андреевной Бороздиной – молодой, стройной, красивой девушкой, дочерью Таврического губернатора, родственника Давыдовых.

Отец Марии Бороздин Андрей Михайлович, 1765 года рождения, происходил из старейшего дворянского рода. Медик по образованию, выпускник Кембриджского университета, он был просвещенным человеком, наделенным тонким и острым умом, ценил и любил природу. За 12 лет службы он дослужился до генерал-лейтенанта, а с переходом в гражданскую службу с чином, по Высочайшему указу в 1807 году был назначен Таврическим гражданским губернатором. В 1812 году он просил у государя разрешения отправиться на фронт, но не получил на это соизволения и был оставлен в Крыму для борьбы с эпидемией чумы и для начальствования над всеми сухопутными войсками на Крымском полуострове. Бороздин был очень богат, имел несколько красиво обустроенных имений в Крыму: Кучук-Ламбат – с ландшафтным парком, виноградниками; Карасан; Саблы и другие. Он оказался первым зачинателем промышленного виноградарства в Крыму. Супругой Андрея Михайловича была Софья Львовна Давыдова – сестра декабриста Давыдова. А племянница Бороздина была замужем за младшим Раевским, тем самым, которому А.С. Пушкин посвятил поэму «Кавказский пленник» и стихотворение «Андрей Шенья». В Каменку часто приезжали дочери Бороздина.

Младшая дочь, Мария Андреевна, полюбила молодого стройного офицера, героя войны 1812 года Иосифа Поджио. Ее не остановило его семейное положение с четырьмя детьми. Но Иосиф явно не нравился отцу Марии, и они вынуждены были тайно обвенчаться в Одессе, вдалеке от Каменки и Телепина – дома ее матери.

Мария сразу приняла его детей, но ее отец – сенатор, генерал-лейтенант – лишил дочь приданого. Это не смутило влюбленных.

Когда в доме К.Ф. Рылеева члены тайного общества собрались на последнюю беседу, Иосиф готовился стать отцом пятого ребенка. Они с Марией жили в Яновке, у его матери.

Когда за Иосифом приехали для ареста, мать упала без чувств, дети цеплялись за отца и плакали, жена была в отчаянии.

Иосиф был уверен, что его не в чем было обвинить, кроме желания сделать жизнь простого народа легче.

На одном из заседаний общества, когда речь зашла о готовящемся покушении на императора, Иосиф вызвался вести заговорщиков-офицеров, переодетых в солдатские шинели, для караула в белоцерковский павильон, где должен был быть император. Это стало достоянием Следственной комиссии, и его осудили на 12 лет каторги.

Позднее, по конфирмации, наказание было снижено всем декабристам, кроме пятерых казненных. Иосифу предстояло отправиться на каторгу вместе с братом и другими осужденными по четвертому разряду. Но тесть А.М. Бороздин обратился к императору с просьбой заключить зятя в Шлиссельбургскую крепость, чтобы дочь не последовала примеру Трубецкой, Волконской и других жен, отправившихся в Сибирь за мужьями.

Еще когда женам декабристов до суда разрешили свидание с мужьями, Мария рвалась приехать, но отец не отпустил. Он подерживал постановление правительства и Синода о том, что декабристы – «политические мертвецы», и посему жены их считаются вдовами и могут спокойно вторично выходить замуж.

Тогда Мария обратилась с письмом во дворец к императору. Она писала: «Всемиловнейший государь! Великодушие Вашего императорского величества, столь известное всем верно-подданным Вашим, дает мне смелость пасть к стопам моего Государя и просить о великой милости. Знаю всю великость преступления мужа моего, бывшего гвардии штабс-капитана Осипа Поджою, и справедливое наказание, определенное ему, не смею и просить о помиловании его, но, будучи его несчастною женою, зная всю священную обязанность моего союза, сама вера и законы повелевают мне разделить тяжкий жребий его, ни молодость моя, ни бедное состояние всего семейства – ничто не может мне служить препятствием.

Защитник веры! Покровитель несчастных! Не отвергни все-нижайшей моей просьбы! Повели объявить мне место пребывания преступного, но несчастного мужа моего, дабы я могла,

соединясь с ним, исполнить до конца жизни моей данную перед Богом клятву».

Ее отец, узнав о письме, снова обратился с просьбой в тайную канцелярию и к самому императору, чтобы содержание Иосифа Поджио в Шлиссельбургской крепости в одиночной камере никому не было известно, а тем более его жене.

Мария еще долго неоднократно предпринимала попытки разыскать Иосифа. От брака с ним у нее рос сын Лев, он родился в апреле 1826 года и был крестником Н.Н. Раевского. Четверо детей от первого брака росли у бабушки.

В «каменном мешке»

23 октября 1826 года Иосиф был отправлен в Свеаборг. Через год – из Свеаборга в Свартгольм, а оттуда по Высочайшему повелению и по просьбе тестя отправлен в Шлиссельбургскую крепость. За шесть с половиной лет одиночного заключения он видел только своего тюремщика, один раз в году – отца Григория для ежегодной исповеди да изредка – коменданта. Его не выпускали на воздух, он был в полном неведении всего, что происходило за стенами тюрьмы, а когда спрашивал у часового: «Какой у нас день?», ему отвечали: «Не могу знать». Таким образом, он не слышал о Польском восстании, об Июльской революции, о войнах с Персией и Турцией, ни даже о холере; хотя его часовая умер у двери его камеры от холеры.

Однажды вечером он увидел свет, падавший от луны на наружную стену крепости, ему захотелось полюбоваться им, он влез к окну и с большим трудом просунул голову в маленькую форточку, довольный возможностью подышать свежим воздухом и полюбоваться звездным небом. Вдруг он услышал шаги в коридоре; боясь, чтобы его не застали в этом положении, он попытался вытащить голову обратно, но уши мешали ему, и наконец после долгих стараний, с сильно исцарапанной головой, весь в крови, он освободился из форточки и с тех пор не делал больше подобных попыток.

Сырость в его камере была такова, что все его платье пропиталось ею, табак покрылся плесенью, а здоровье настоль-

Иосиф Поджио

ко пострадало, что начали болеть десны и зубы, развился скорбут.¹

Медленно тянулся день узника в одиночной камере, без физического труда, в мертвящей тишине тюрьмы. Одну и ту же пищу выдавали здоровым и больным. Она была не только скудной, но и недоброкачественной. Повторяясь изо дня в день, из месяца в месяц, однообразная еда внушала отвращение и заставляла добровольно отказываться от нее.

Одиночное заключение создавало тягостную обстановку, подавляло волю узника под вечным враждебным наблюдением в глазок и страшным безмолвием. Он пытался некоторое время голодать, из тюремного хлеба вылепливал с поразительным терпением различные фигурки. Спал на досках, а из соломы, вытянутой из матраца, создавал изделия. Постоянные думы о детях, о Машеньке доводили его до отчаяния. Он понимал, что эти думы могут довести его до галлюцинаций, затем до идиотизма и смерти. Когда им овладевало желание слышать голоса или увидеть человеческое лицо, он пытался петь, но вместо слов выходили какие-то мычащие звуки. При любой попытке что-то откусить или жевать зубы оставались в тюремном хлебе. Он прятал их в коробочку из-под табака. Позднее ему были доставлены книги, он мог читать, но только религиозные и по истории католицизма. Но чтение не могло избавить от физических и нравственных страданий.

Тем временем Мария Андреевна продолжала поиски мужа. В одном из писем Бенкендорф писал А.А. Волкову: «Проживающая в Москве, в доме Демидова, жена государственного преступника Иосифа Поджио, желая разделить участь мужа ее, просила меня известить ее о настоящем его местопребывании. Вследствие сего покорнейше прошу Ваше превосходительство объявить госпоже Бороздиной, что я не имею положительного сведения о пребывании его».

Еще в 1827 году Мария пишет своей родственнице М.Н. Волконской о желании выехать в Сибирь в надежде найти там своего мужа. 21 января 1828 года она получает ответ из Читинского острога: «Что же касается Вас, добрая моя кузина, я

¹ Скорбут – болезнь цинга.

получила Ваше письмо и тороплюсь разубедить Вас, по крайней мере в отношении Вашего кузена Александра, он ведет себя достойно и кажется очень разочарован своей судьбой... Рассчитывайте на меня в том, что будет необходимо Вашему кузену, что же касается Иосифа, нет необходимости утверждать Вам, что он найдет во мне настоящую сестру, как только приедете, надеюсь, Вы остановитесь у меня. Я Вас приму со всей той дружбой, которую сохраняю к Вам с моего раннего детства. Не могу выразить, как я Вас жду и посчитаю, что найду в Вашем лице сестру. Вы же напоминаете мне моих сестер. Прощайте, добрая кузина, возьмите на себя труд передать мое уважение моей тете (Софье Львовне), госпоже Вашей свекрови. Я покрываю поцелуями Вашего бедного маленького Лола. Пусть Бог сохранит его Вам». Но в ответном письме М.А. Волконской нет ни строчки о нахождении Иосифа Поджио. И декабристы тоже ничего о нем не знали.

Через какое-то время Марии Андреевне разрешили послать мужу какие-нибудь мелочи. Мелькнула надежда: значит, он жив!

6 лет отец Бороздин уговаривал дочь расстаться с мыслью о соединении с мужем, вторично выйти замуж.

Когда в 1830 году Иосифу было разрешено получать письма родных и 1-2 посылки в год при условии полной секретности его местопребывания, он был очень рад.

Эти редкие весточки поддерживали его, несмотря на то что они проходили через сито жандармских управлений. Писал письмо к Пасхе, а получал весточку с рождественскими поздравлениями, без каких-либо подробностей. И все-таки они служили лекарством для больной души.

Начались галлюцинации и приступы. Видимо, состояние здоровья Поджио стало известно сенатору Бороздину, который в течение всех этих лет убеждал, уговаривал дочь выйти замуж, так как Поджио – преступник, и она не дождетя его, а годы уходят. Она одна растит его сына, имея столько предложений руки и сердца от состоятельных поклонников.

Но, видимо, где-то в глубине души Андрея Михайловича скребла совесть, он, как медик, понимал, что по его вине медленно, но верно погибает человек.

Только через шесть с половиной лет отец рассказал дочери, что ее бывший муж – уже больной-инвалид, и если она не выйдет замуж, то его будут по-прежнему держать в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, пока он не умрет.

Это был тот страшный случай, когда просвещение не сопряжено с добродетелью и уважением к чувствам других людей. Тут действует только расчет и личные интересы.

А совсем не так давно И.М. Муравьев-Апостол, путешествуя по Крыму, назвал Бороздина «добрым гением» и сказал о нем: «Он первый показал, как на краю Скифии, за стеною Чатыр-Дага можно быть гражданином вселенной».

Между прочим, вторая дочь Бороздина – Екатерина Андреевна – в 1825 году вышла замуж за Владимира Николаевича Лихарева, который оказался деятельным членом «Союза благоденствия» и был осужден на четыре года каторги и на поселение в Тобольскую губернию. Но она не последовала за ним, вышла замуж вторично.

Мария сдалась

Ценою свадьбы с нелюбимым человеком, князем А.М. Гариным, Мария Андреевна оплатила призрачную свободу Иосифа Викторовича Поджио.

В этом же году ему был зачитан указ, которым предусматривалось сокращение срока содержания в крепости и повелевалось отбыть на поселение в Сибирь, в Иркутскую губернию.

В его уме промелькнула мысль, что он может там встретиться с братом Александром, а потом обожгла надежда, что, может быть, там его ждут Машенька и любимые дети. Ноги его подкосились, но конвоиры вовремя поддержали его и усадили на лавку. И вдруг непроизвольно из глаз узника хлынули слезы, он пытался сдержать вырвавшееся рыдание, но какая-то внутренняя лавина прорвала внутренние преграды, и он уже не сдерживал себя.

Когда он успокоился, силы полностью оставили его. Ему помогли лечь, дали успокоительное, и он уснул.

Князь А.М. Гагарин

Утром за ним пришли, он уже был готов следовать за жандармами. Последний раз окинул взглядом свою камеру и с помощью смотрителя вышел в коридор.

Перешли крепостные ворота, он попросил небольшой отдых: голова кружилась, тело было потным от усилий при ходьбе. Ему помогли перебраться в лодку, и они отчалили...

Шлиссельбургская крепость находилась на острове, поэтому требовалась переправа.

Как только Мария дала согласие на замужество с князем Гагариным, брак с Иосифом был расторгнут. Ей шел уже 34 год, но она была по-прежнему красива, стройна, хотя лицо постоянно выражало грустную задумчивость. Ее новый муж служил адъютантом Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова.

Перед своей смертью А.М. Бороздин подарил любимой дочери Крымскую обустроенную усадьбу с виноградниками, прекрасным ландшафтным парком Кучук-Ламбат (ныне – «Утес»). Во дворце была прекрасная библиотека, естественно-историческая коллекция, собрание картин и фарфора, а подвал был полон французских вин. В этом же поместье, на вершине мыса Плака, в фамильном склепе, Мария похоронила отца. А через 7 лет, когда ее муж был переведен на Кавказ командующим 13-й пехотной дивизией и Кутаисским губернатором, Мария отдыхала на нарзанных водах в Кисловодске. Нарзанные источники использовались как очищающее и укрепляющее средство. Их температура была не более + 9 градусов. При приеме ванны газы покрывали все тело купающегося мелкими пузырьками, подобно искрам пенящегося шампанского. Редкий мужчина мог просидеть в бассейне более пяти минут. Иногда такие купания заканчивались апоплексическим ударом. Однажды после бала разгоряченная Мария приняла холодную нарзанную ванну и внезапно скончалась от удара.

Через четыре года Александр Иванович Гагарин женился на грузинской княжне Анастасии Давыдовне Орбелиани. В 1857 году он был смертельно ранен князем Константином Дадешкилиане.

Приезд Иосифа в Сибирь

В своих воспоминаниях ученик, друг и врач Иосифа Викторовича Поджио Белоголовый писал: «Ни годы, ни крепость не умалили его любви к жене, и он ехал в Иркутск, уверенный, что он найдет ее там, а если нет, то выпишет немедленно к себе... Со всем пылом итальянской фантазии он строил планы о возобновлении так неожиданно и на такой длинный срок нарушенного семейного счастья».

Друзья, их жены уже знали о вторичном браке его бывшей жены, но ни у кого не хватало духу сообщить ему страшное известие, нанести новый удар этому исстрадавшемуся человеку. Пришлось некоторое время обманывать его и мало-помалу готовить к известию. Истина была открыта ему тогдашним генерал-губернатором Восточной Сибири В.Я. Рупертом.

Н. Белоголовый вспоминает: «Я помню очень хорошо фигуру Иосифа Викторовича: в нем не удержался итальянский тип, он мало имел сходство с братом и в противоположность последнему был высок ростом, широкоплеч и далеко не такой выраженный брюнет».

Он сам выбрал для поселения высокий берег Ангары в устье реки Куды, поставил небольшой домик. Посадил акации. Постепенно приходил в себя. Ему было чуть больше 40, но выглядел он, как старик. Через 5 лет закончился срок каторги его брата Александра, и они теперь жили вдвоем.

Волконские построили себе дачу рядом, и поэтому стало веселее. Иосиф был любимцем всей декабристской колонии, особенно к нему тянулись дети.

М.Н. Волконская писала о нем: «По выходе из заключения он казался совсем разучившимся говорить: нельзя было ничего разобрать из того, что он хотел сказать. Здоровье его было, однако, совсем расшатано крепостным заключением. Он сильно страдал скорбутом (цингой), не выносил ни твердой, ни горячей пищи, и я помню, как свою тарелку супа он выносил всегда в холодные сени, чтобы остудить ее».

Попытка жениться

Казалось, жизнь начинала как-то устраиваться. Его полюбила девушка из деревни Усть-Куда – Настасья Третьякова. И он ответил нежным и благородным чувством, потянулся к ней.

Начались сложные казенные хлопоты по получению разрешения на брак. Надо было Иосифу писать прошение императору через иркутского генерал-губернатора, такое же прошение должна подать невеста и ее родители, которые должны удостоверить, что невеста идет замуж без принуждения, что ее не отдают за деньги.

В Государственном архиве Иркутской области хранится дело «О дозволении государственному преступнику И. Поджио вступить в брак с крестьянской дочерью Третьяковой», где есть и заявление ее родителей о том, что они согласны отдать свою дочь, а последняя «желает вступить в законное супружество за поселенца И. Поджио без всякого над всеми прекословия».

Но случился новый удар. Мать братьев Поджио, Магдалина Поджио, как могла, помогала своим опальным сыновьям. Но все ее духовные завещания на случай ее кончины, отписываемые ею сыновьям, окончились печально, так как Высочайшей резолюцией категорически запрещалось завещать ссыльным что-либо, а тем более деньги и имущество. Кроме того, в одной из своих посылок она отправила им бочонок меда и бочонок масла.

Посылки шли долго. Уже в Харькове масло растаяло и испортило несколько посылок. Штраф за испорченные посылки составил 9120 рублей ассигнациями. Заплатить такой штраф старая женщина не могла. За неимением средств на уплату штрафа имение Поджио описали, и на владение был наложен арест.

Иосиф понимал, что он как будущий муж обречен на безденежье, сил для крестьянского труда тоже нет. Отказаться от оговоренной свадьбы – значит опозорить, погубить девушку, ни в чем неповинную, согласиться на брак – тоже погубить. Все это приводило Иосифа в отчаяние.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, ссылаясь на решение владыки края, отменил свадьбу Иосифа Поджио и Настасьи Третьяковой, так как жених и невеста разного вероисповедания.

Тоска по детям угнетала его, и в это время появилась возможность послать дочерям не только короткую весточку, но и изображение. Приехавший мастер по дагеротипу Давиньон сделал с Иосифа два портрета.

Отец посылает дочерям 2 письма, сделав надпись на обороте каждого портрета по-французски:

«Дорогая Сонечка, вот черты твоего отца после двадцатилетнего изгнания, в возрасте 53 лет. 15 июня 1845 года».

На обороте второго:

«Дорогая Наташенька, вот черты твоего отца. 15 июня 1845 года».

Но письма с дагеротипами попали в III отделение, а потом это дошло и до императора, который гневно отреагировал на такую «смелость» – посылать изображения преступников кому бы то ни было. Было заведено дело. Давиньон, как автор, был взят под арест на некоторое время. А у декабристов произведен обыск и изъяты дагеротипы.

Стечение таких обстоятельств вызвало новые приступы болезни у Иосифа.

К этому времени Волконские и Трубецкие жили в Иркутске, и когда наступало обострение, Иосифа привозили в Иркутск, где его наблюдал местный медик Эрнст. Особенно тяжелый приступ

Дом Трубецких в Иркутске. 1900 г.

Могилa И.О. Поджио

у него случился в январе 1848 года, 4 января стало совсем плохо. Брат привез его к Волконским. После осмотра врач объявил хозяевам, что «завтра или послезавтра все кончится». Так и случилось. Он умер.

Покойся Иосиф Викторович на бывшем Иерусалимском кладбище города Иркутска. Сейчас там парк.

Надгробная доска гласит:

«Декабрист Иосиф Викторович Поджио.

Родился 22 ноября 1792 года.

Скончался 6 января 1848 года».

Жизнь Александра Викторовича Поджио

Человеком-титаном назвал Герцен Александра Викторовича. Младший сын семьи Поджио – Александр – в 12 лет успешно закончил высший класс Ришельевского лицея в Одессе и готовился поступить в Петербургский благородный пансион при иезуитской церкви. Но внезапная смерть отца, не успевшего рассчитаться с долгами и выкупить заложенное в государственном земном банке имение вместе с крепостными крестьянами, нарушила планы. Поэтому он воспитывался дома. В марте 1814 года, в неполных 16 лет, был зачислен подпрапорщиком во вновь сформированный гвардейский резерв. В этом же году его перевели в лейб-гвардию Преображенского полка.

Александр ответственно относился к службе и получал повышения. Он занимался обучением солдат, уделяя внимание их нравственному воспитанию, заставляя выполнять обязанности «более хвалой, чем страхом».

Сам он усиленно занимался экономикой, правом, философией. Посещал лекции по естественному праву профессора А.П. Куницына в Петербургском университете.

Решающим фактором, повлиявшим на его идеологические взгляды, явилось общение с членами тайного союза начиная с 1820 года. Со всей горячностью своего темперамента он увлекся идеей возрождения России путем коренных реформ и стал их ревностным пропагандистом.

Жизнь укрепляла его в правильности выбранного пути. Однажды ему пришлось видеть, как ветеран войны 1812 года, с медалью на груди, пришел к помещику просить хлеба. Александр вспоминал: «Я сам был в мундире и признаюсь, мне грустно было». В тайное Южное общество он был принят в 1823 году. Исполнительный, решительный, он привлек внимание Пестеля. Мало с кем «вождь южан» был так откровенен, как с Александром. Именно его направил Пестель в Петербург для установления контактов с Северным обществом. В октябре 1823 года он участвовал в обсуждении конституции Н. Муравьева и в выборах директоров Северного общества. В дальнейшем это стало известно Следственному комитету.

Будучи переведенным в Днепровский полк и получив чин подполковника, он ушел в отставку по «домашним обстоятельствам» и уехал к своей матери Магдалине Осиповне в Яновку, при этом не прекратив связей с тайным обществом. А узнав о том, что 13 декабря 1825 года был арестован Пестель, Александр, со свойственным ему темпераментом, предложил поднять 19-ю дивизию, чтобы освободить руководителя южан. Он даже был готов поехать в Петербург и, жертвуя собою, покуситься на жизнь государя императора.

Арестован он был в своем имении Яновка 3 января 1826 года. Через день его уже допрашивал император. «Николай, выслушав меня, – вспоминал Поджио, – взошел в бешенство и велел меня своими царскими устами судить военным судом и расстрелять в 24 часа».

В «Донесении Следственной комиссии» имя Александра Поджио упоминалось более 20 раз. Он был включен в первый разряд преступников. Его приговорили к смертной казни отсечением головы. Затем казнь заменили 20-летней каторгой, позднее сокращенной до 13 лет.

С августа 1826 года по октябрь 1827 года содержался в Кексгольме, а затем – в Шлиссельбургской крепости. В октябре 1827 года отправлен в Сибирь.

1 января 1828 года был доставлен в Читу. Его товарищи уже были переведены из Благодатска в Читинский острог.

Условия в Чите были лучше, чем в Благодатске, работать при-

ходило по уборке улиц, дворов, чистке конюшен, но проблемы питания оставались, так как на каждого каторжника отпускалось в месяц всего 1 рубль 90 копеек, что в переводе на серебряники составляло 50 копеек, мука отпускалась натурою. Тогда декабристы А. Поджио, Ватковский и Пущин предложили план устройства артели. Они выработали ее устав, создали механизм сбора и распределения денежных сумм. Было решено, что артелью будут руководить 3 человека: распорядитель, закупщик продовольствия и кассир. Позднее были введены должности: огородника, дежурного по кухне и дежурного по раздаче обедов, ужинов; определены суммы на чай, сахар, табак. Среди декабристов в заточении были богатые дворяне, которым правдами и неправдами передавались деньги, но были и такие, которые ничего не имели. Поэтому богатые вносили в артель 2-3 тысячи рублей, другие – сколько могли. Таким образом материальная сторона жизни была решена.

На сэкономленные от обедов деньги была организована подписка на газеты и журналы. Выписывались (женщинами) 22 периодических издания, географические атласы, карты, книжные новинки, словари иностранных языков.

Декабристы активно читали, учились. Так возникла «каторжная академия». Многие изучали иностранные языки, слушали лекции по военному делу, по истории морского флота, литературе, некоторые занимались переводом иностранных книг на русский язык. М. Бестужев писал: «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге, дал нам охоту жить, дал нам политическое существование за пределами политической смерти». Более 80 декабристов жили как одна большая, дружная семья. Но были и споры. Больше всего спорили на философские и религиозные темы.

Связь декабристов с родственниками была запрещена, но женщины вели переписку от их имени. В архиве Волконских сохранился «журнал», куда М.Н. Волконская вписывала краткое содержание тех писем, которые писала на протяжении 1829 года по просьбе заключенных и отправляла в Россию.

От имени А.В. Поджио она обращалась к его матери с такими словами: «...закажите Ваш портрет в Одессе маслом хорошему художнику и как можно скорее пришлите нам».

В большой семье декабристов были совсем еще юноши не бо-

лее 20 лет, были «старые» – 40-летние ветераны. Люди разного культурного уровня, выходцы из разных социальных слоев, разного характера, темперамента. «Но при всем этом, – писал И. Якушкин, – мы все вместе составляли что-то целое. Бывали частые жаркие прения, но без ожесточения противников друг против друга».

Николай Бестужев написал более 200 работ, запечатлевших портреты декабристов, их жен, детей, пейзажи, виды тюрьмы и камер. Благодаря его летописи мы можем лучше представить этих благородных людей, сибирские места и условия пребывания их. Многие декабристы пытались писать, копировать работы Бестужева. О художественных занятиях А.В. Поджио сохранилось мало данных и тем более его работ. Но известен его рисунок сепией (особый вид графики) и акварель в альбоме А.И. Давыдовой. Еще задолго до восстания подружились А.В. Поджио и В.Л. Давыдов.

Их дружба на каторге еще более окрепла. В письме В.Л. Давыдова из Петровского завода к старшей дочери, родившейся в Каменке, есть такие строки: «Александр Поджио, которого ты, вероятно, едва помнишь, просил меня сказать тебе, что он почтительно целует твои руки и ручки твоих сестреноч».

Из двух работ Поджио в альбоме декабриста есть его надпись: «Василию Давыдову от Поджио. 30 марта 1839 года». Рисунок выполнен на голубой бумаге и изображает вид сквозь раскрытые ворота на внутренний двор Петровского завода и часть каземата. Направо – сторожевая будка с часовым. Этот вид изображен при свете луны, поэтому художник прибег к помощи голубой бумаги, что облегчило передачу эффекта лунного освещения. Судя по дате, сепия выполнена незадолго до отправки декабристов на поселение в разные концы Сибири.

Опять же по инициативе Александра Поджио была создана и большая артель. Ее задачей было оказание помощи отъезжающим на поселение на первый период. Наряду с декабристами оказывалась помощь и ссыльным солдатам.

В тюрьме Петровского завода декабристы имели свои камеры, полутемные, с небольшими окошечками под потолком. Мебель они делали своими руками. Н. Бестужев на одном из своих рисунков запечатлел камеру Александра Поджио.

По отбывании срока указом от 10 августа 1839 года Александр Поджио был отправлен на поселение в село Усть-Куда Иркутской губернии. Там его уже ждал больной брат Иосиф. Александр занимался выращиванием огурцов, дынь, арбузов, цветной капусты, чего раньше в Сибири не выращивали. Занимался педагогической деятельностью. Иркутские купцы отдавали своих детей на обучение многим декабристам. Купец Белоголовый, не очень богатый, но деятельный, часто по своим торговым делам выезжавший в Москву, в Нижний Новгород, в Петербург, привозил оттуда не только товар, но и контрабандные письма, посылки от родственников декабристов. Он очень сблизился со многими из них.

И когда подросли его сыновья Николай и Андрей, он отдал их на обучение Александру Петровичу Юшневскому, где уже учился сын крестьянина Анкудинова. В 1844 году Юшневский скоропостижно скончался, и детей на обучение взял Александр Викторович Поджио. Николай Белоголовый в своих воспоминаниях пишет: «...у учителя были длинные черные волосы, падающие густыми прядями на плечи, красивый лоб, черные выразительные глаза, орлиный нос при среднем росте и изящной пропорциональности членов давали нашему новому наставнику привлекательную внешность и вместе с врожденною подвижностью и живостью характера явно указывали на его южное происхождение».

Александр Поджио обладал чистотой своих нравственных правил, во всех своих поступках он был верен им. При высокой требовательности к себе самому он был необыкновенно гуманным по отношению к другим людям. Производил сильное впечатление на окружающих своей нравственной чистотой и духовной ясностью.

На зимние месяцы братья Поджио переезжали из села в городскую скромную квартиру. Братья Белоголовые обучались у Александра русскому, французскому языкам и математике. Уже к концу года стали бойко говорить по-французски.

В середине мая Александр увозил своих учеников в деревню Усть-Куда, где у них с братом были дом, огород, хозяйство, и там они оставались до половины сентября. Их дом стоял при впадении речки Куды в Ангару. Ребята очень любили купаться в теплой

речке Куда, а на Ангаре – холодной и стремительной – рыбачить. Дом, занимаемый Поджио, был небольшой и отличался от других крестьянских изб тем, что был обшит тесом и поэтому казался более опрятным. Небольшое крылечко со двора вводило в обширные темные сени, оттуда вела широкая лестница на чердак, где хранилось сено; из сеней вход был в большую комнату с окнами на деревенскую улицу. Эта комната служила и салоном, и столовой; потом следовали две комнаты с окнами, выходившими на огород, одну из них занимал Александр, а другую – Иосиф. Деревьев не было, но перед окнами тянулся огород с парниками и грядками.

Рядом с домом Поджио был дом Петра Алексеевича Муханова и летняя дача Волконских – «камчатник». За их дачей на крутом склоне горы, сложенной юрскими песчаниками, была выдолблена широкая скамья для отдыха. Местность была очень живописная. Окна «камчатника» выходили на Ангару с широким плесом, после него река разбивалась на несколько рукавов, огибающих зеленые острова с молодым кустарником березняка и боярышника.

Редкий летний день проходил без гостей. Приезжала Мария Николаевна Волконская с дочерью Леной и сыном Мишелем, другом Мишеля – Пашей Зверевым, приезжали Трубецкие с тремя дочерьми и Владимир Федосеевич Раевский с дочерьми. Иосиф Викторович, когда еще был жив, с мальчиками в осеннее время любил охотиться на зайцев. Он арендовал под покос луг под названием «выгородки» в двух верстах от деревни, прилегающий к речке Куда. В тихих ее заводях Мишель с Пашей особенно любили рыбачить.

Николай Белоголовый после окончания Московского университета стал известным врачом, лечил Герцена, Некрасова и оказывал постоянную помощь декабристам. Особая крепкая дружба связывала его с семейством Волконских и Поджио.

В 1851 году Александр женился на классной даме Иркутского девичьего института Ларисе Андреевне Смирновой, девушке 26 лет, урожденной москвичке, без всякого состояния, но очень доброй. Эта доброта и здравый смысл сглаживали разницу, которая была очень заметна в образовании, вкусах и характерах обоих супругов, и сделали брак счастливым.

Через 8 лет после смерти брата в кругу семей Волконских, Якушкиных, Белоголовых и Трубецкого Александр узнал об амнистии. Эту весть привез сын Волконских, Мишель, вернувшийся из Петербурга.

Жизнь после амнистии

Недостаток средств не позволил Александру Поджио выехать с семьей из Сибири сразу. До 1859 года он занимался золотоискательством в надежде обеспечить семью и малолетнюю дочь. Он основал компанию, в которую вошли его племянник, сын Иосифа – Александр, С.П. Трубецкой. В письме к Трубецкому он писал: «...дело по-нашему не делают, золото дает золото, у меня же, право, не только золота, не только бумажек, у меня и меди-то нет». Дело не пошло. После отказа компаньонов от дальнейшего участия Поджио поступил управляющим в компанию купца Белоголового и Бенардаки с собственным паем и, сообщая об этом Н.Д. Свербееву, прибавлял: «Отступить или останавливаться в золотом деле – не ошибка, а глупость. Искать надо дальше».

Но в мае 1859 года пришлось отступить. Интересно, что через 6 лет (в 1865 году) на этом самом месте крупнейший золотопромышленник И.Ф. Базилевский добыл 3,5 пуда золота (около 57 килограммов). Поджио узнал об этом в Женеве при встрече с самим Базилевским.

Поджио решил вернуться в Центральную Россию. Он считал, что в хорошее время возвращается из Сибири. Ему, как и многим товарищам, казалось, что в жизни русского народа наступило пробуждение в первые годы царствования Александра II после беспросветного периода тридцатилетнего николаевского царствования. К сожалению, ему впоследствии пришлось разочароваться во многих своих ожиданиях. В июне 1859 года он нашел многих из своих товарищей, с которыми не виделся 20 лет, именно тех, которые находились на поселении в Западной Сибири: Нарышкина, Оболенского, Фонвизина, Пущина и других. Они часто собирались в Москве у Якушкина и долгими часами общались. Ведь так много надо было друг другу рассказать!

Эти частые свидания не ускользнули от бдительного надзора московской полиции, и строгий московский генерал-губернатор граф Закревский распорядился немедленно выслать этих 60-70-летних стариков из Москвы. Они были обязаны дать подписку на то, что, когда им необходимо будет побывать по делам в Москве, они должны получать разрешение у московского начальства.

Александр Викторович очень хотел увидеться с Волконскими, которые в этот период жили в Петербурге, и добился разрешения выехать к ним на короткое время. У них он пробыл всего несколько дней. В этом городе, где протекали его первые годы молодости и службы, он встретил нескольких товарищей, которые в свое время тоже посещали собрания декабристов, но не были привлечены к следствию. Теперь они стали смиренными и верноподданными гражданами, дослужившимися до высоких чинов. Одни из них при встречах с возвратившимися декабристами отдавали должную дань уважения поседевшим в ссылке старикам, видимо, ценя в них собственное молодое увлечение. Другие выказывали сочувствие, но это говорилось шепотом и при закрытых дверях.

Личные средства у семьи Поджио были истощены, и он принял предложение племянника, Александра Осиповича Поджио, переехать к ним в Знаменское Торопецкого уезда Псковской губернии. Первые его впечатления были самыми светлыми. Он писал Н.А. Неустроевой: «...здесь я у сына, а не у племянника, самого нежного, окружен всем, что только может услаждать человека».

Семья Поджио жила во флигеле, занимая одну его половину. Но вскоре между хозяевами и обитателями начались разногласия. Причиной стало недовольство Александра Викторовича порядками и системой воспитания в доме. «...Здесь все по часам... Варя моя стеснена мерами слепого повиновения, служившего основанием не семейства, а учебного заведения, в котором мы находимся. Отец и мать семейства выражаются, как начальники заведения», – жаловался он Неустроевой (29 августа 1859 года). Это резко противоречило тем педагогическим принципам, которых придерживался декабрист, важнейшим из них были гуманное, доброе отношение к детям, развитие у них интереса к знаниям. Но попытки дяди получить свою часть наследства, оставшуюся у племянника, вызвали возражение последнего. Он утверждал,

что «старик успел израсходовать свою часть наследства на свое проживание в Сибири и на золотопромышленное предприятие». Племянник имел в виду те взносы, которые сам делал в дело как компаньон. Он оказался сухим и расчетливым.

9 января 1860 года Александр Викторович писал Е.И. Якушкину: «...я перенес многое здесь, поплатился и здоровьем, и спокойствием». В декабре 1859 года семья Поджио покинула Знаменское, оставшись с 5 тысячами рублей и без постоянного места жительства.

Михаил Сергеевич Волконский (сын декабриста), вернувшись из-за границы и найдя Поджио в таком стесненном положении, написал письмо племяннику Поджио как к человеку благородному. Но переписка эта обратилась в сущую брань, которая кончилась тем, что Волконский, потеряв всякое терпение, бросил этого алчного человека.

Более действенным оказалось вмешательство ученика Поджио – Н.А. Белоголового, который апеллировал к Герцену. Популярность и влияние его журнала «Колокол» сыграли свою роль, и после соответствующей публикации племянник согласился решить дело. «Избранный им посредник Мяснов, а с моей стороны Ребиндер, – писал Поджио тому же Якушкину, – решили дело в мою пользу, то есть признали меня наследником одной части, определенной в 6600 рублей серебром, которые он мне уплатил». Журнал «Колокол» 1 июня 1862 года не замедлил поместить сообщение, в котором говорилось: «С истинным удовольствием спешим уведомить наших читателей, что старший племянник Поджио – Александр – честно и добросовестно рассчитался с дядей».

Пока длилась вся эта тяжба, семья декабриста поселилась в подмосковном имении сибирского знакомого К.Я. Дорогана, в селе Никольском. Он занимался по поручению хозяина управлением имения, составлением уставных грамот. Завершив дела в Никольском, Поджио переехал в село Шуклово Дмитриевского уезда Московской губернии, в имение, принадлежащее малолетнему внуку С.Г. Волконского – С. Молчанову. У дочери Волконского, Елены Кочубей, по первому мужу Молчановой, остался после смерти мужа маленький сын. И на его имя – довольно крупное

имение в Московской губернии. Мать, как опекунша, попросила Поджио взять на себя нелегкий труд – управлять этим имением в это переходное время, связанное с отменой крепостного права (1860-1862 годы). Надо было составить и ввести уставные грамоты, согласовав все это с крестьянами.

Поджио – старый борец за отмену крепостного права – должен был теперь претворять свои светлые мечты в практику и стараться примирить непримиримое. Здесь было много работы по крестьянскому вопросу и по наделам. Он благополучно и довольно быстро, к ноябрю 1861 года, сумел определить наделы с согласием крестьян села Шуклово, хотя это было трудно. Во-первых, он не был хозяином, и его мучила боязнь, как бы не обидеть мужиков, а с другой стороны, как бы не поступить чересчур в ущерб интересам малолетнего землевладельца. Во-вторых, его волновала судьба 23 дворовых, которые долго и честно служили хозяину.

Следует отметить, что именно в это время в России было много крестьянских волнений, но в имении, где служил Поджио, все прошло мирно, что резко контрастировало с общим фоном.

В целом взгляды Поджио по крестьянскому вопросу 50-60-х годов XIX столетия сводятся к признанию необходимости скорейшего и полного освобождения крестьян, с наделением их землей в размерах обрабатываемого ранее надела с обязательным выкупом в короткие сроки при поддержке помещичьих хозяйств.

С 22 марта 1861 года семье Поджио было разрешено жить в Москве под надзором. В 1862 году его пригласила в село Воронки Черниговской губернии дочь Волконских Елена, где он жил до осени 1863 года. В это время у Елены заболел муж, Н.А. Кочубей, и ей срочно надо было вести его на лечение в Италию, а у нее на руках было двое малолетних детей, поэтому семья Поджио поехала вместе с ней. Эта первая поездка Поджио за границу была печальной, так как ни он, ни его семья не имели возможности познакомиться с прекрасной родиной его отца. Они только мимоходом взглянули на прекрасную природу, культуру этой страны. Через два года Кочубей умер, и Поджио помог Елене Волконской перевести тело мужа из Италии в Россию и какое-то время с семьей жил у нее, разделяя горе и хлопоты бедной вдовы.

В конце 1864 года Александр Викторович увозит свою семью в

Швейцарию, где жизнь была более дешевой и климат лучше для его дочери Вареньки. С этого времени у него начинается новый период жизни. Только попав за границу, он избавился от полицейского надзора, почувствовал себя свободным и независимым. Будучи в Швейцарии, они облюбовали живописный уголок Моржен, с его величественной природой, безукоризненно чистым воздухом, полным безветрием и бальзамическим запахом хвои. Здесь ему все напоминало далекую и памятную Сибирь. Он часто восклицал: «Чистейшая Сибирь! Не правда ли? Ведь это те же Байкальские горы!».

Его дочка Варенька тем временем оканчивала высшую школу для девиц. Отец гордился ее разносторонними познаниями и успехами в музыке. Он решил увезти дочь во Флоренцию, где проживал знаменитый пианист Ганс фон Бюлов. Музыкант согласился давать ей уроки, и они переехали в Италию.

Во Флоренции Поджио встретился с Герценом, и сразу между ними установились теплые отношения. По мнению Герцена, заговор декабристов хотя и не дал никаких положительных результатов, но имел неоспоримое право на глубокое уважение со стороны потомков как первая попытка завоевания свободы и как первый открытый коллективный протест против самодержавия. Со своей стороны, Поджио высоко ценил публицистический талант Герцена, благородство его устремлений и заслуги, особенно в борьбе с общим врагом – Николаем I.

Многие флорентийцы искали случая свести знакомство с выходцем из Сибири, в жилах которого текла итальянская кровь.

В переводе с итальянского «поджио» – значит «холм». Первое упоминание о Поджио относится к XIV – XVIII векам. Эту фамилию носили и военные, и дипломаты, и даже Папа Римский.

Старинный город Флоренция был основан Юлием Цезарем.

Ганс фон Бюлов не затруднял себя занятиями с юной Варенькой. Отец сделал все, чтобы дочь ближе узнала родину Ренессанса. В переводе с римского название города означает «цветущая». Александр Викторович любил гулять по ее тесным площадям, узким улицам, показывать Вареньке многоэтажные неприступные дворцы с мощными карнизами и мрачными фасадами. Готические строения и памятники не только оставляли яркие впечат-

ления, но и вызывали особое творческое настроение. Когда они посещали светский центр Флоренции – площадь Синьории, где Варенька увидела прекрасные творения итальянских скульпторов: копии «Давида» Микеланджело, группу скульптур «Геркулес» и фонтан «Юдифь» работы Донателло, – ее восхищению не было предела. Они приходили сюда неоднократно. Нравилось им прогуливаться по городскому мосту Понте Веккио, в центре которого с открытой площадки они любовались другими мостами реки Арно, а потом Варенька тащила отца посмотреть на ювелирные изделия в магазинчиках и мастерских, расположенных по обеим сторонам моста. Но сам Александр, когда смотрел на темные воды Арно, невольно сравнивал их с чистейшими сибирскими реками.

Нравилось Поджио наслаждаться действиями местных флорентийских простонародных театров. На этих спектаклях с задорным юмором и остроумием актеры отзывались на всякие местные факты городской жизни. Александр, хорошо понимая их флорентийское наречие, смеялся до слез.

Поджио любил рассказывать своим русским землякам о «шапочном знакомстве» с итальянским королем объединенной Италии Виктором Эммануилом II. В этот период Флоренция была столицей. Король, проезжая в своей коляске по ее улицам, не был избалован приветствием своих сограждан, хотя они почитали его. Поджио, как горячий поклонник короля, взял за правило всегда отвешивать ему самый почтительный поклон, снимая шляпу. Король был покорен такой любезностью, и как только замечал идущего Поджио – воспитанного иностранца, спешил снять шляпу и раскланяться первым.

Затем семья Поджио переезжает снова в Швейцарию. Находясь вдали от России, он снова вспоминает Сибирь и пишет Н. Белоголовому: «Где моя молодость? Будь она в руках моих, я, клянусь, был бы прежде в Сибири, а не в Швейцарии». В его жилах текла итальянская кровь, но сам он оставался чисто русским, с глубокой привязанностью к этой земле.

Уже будучи 74-летним стариком, со множеством недугов, он оставался верен своим заветам: никогда не думать о себе, о своем покое и отдавать себя тем, кто в нем нуждался. То он едет в Пизу,

А.В.Поджио в Венеции

Кенотаф

лась, так как ей он тоже нравился.

У уставшего от жизни и болезней Александра Викторовича Поджио остается последнее желание – быть похороненным рядом со своими друзьями, четой Волконских, с которыми они делили тяжелые годы сибирской каторги и поселения. Через месяц после свадьбы единственной дочери, приехав в Россию, он умер. Его похоронили в углу воронковского сада, возле небольшой часовни, которая была установлена над могилами Волконских в селе Воронки. Часовня не сохранилась; на этом месте в 1975 году установлены кенотафы.¹

До самой последней минуты своей жизни Александр сохранил ясный ум и способность интересоваться текущими событиями политической жизни.

где умирает от воспаления легких его товарищ по Забайкалью – доктор Елин, то срочно выезжает в Россию к тяжело больной Марии Николаевне Волконской по вызову ее дочери.

Александр все чаще и чаще болеет, все его политические и общественные интересы уходят на второй план, самой большой заботой остается страх за будущее жены и дочери. В это время в его дорожную 17-летнюю Вареньку влюбился молодой русский офицер Владимир Степанович Высоцкий, бывший на лечении в тех местах. Он сделал ей предложение, и она согласи-

¹ Кенотафы – погребальные памятники.

Эпистолярное наследие А.В. Поджио

Его письма и воспоминания рассредоточены по многим фондам.

Все годы ссылки в Сибири и в послесибирский период он внимательно следил за ходом реформ, за решением крестьянского вопроса, за всей общественно-политической жизнью. Его очень беспокоили пассивность дворянства и сопротивление попыткам Александра II решить крестьянский вопрос. Если в неизбежности освобождения крестьян он был уверен, то необходимость наделения их землей вызывала у него чувство опасения: «не положит ли это начало батрактству?». В письме к Свербееву он писал: «...земля, расчищенная крестьянином, или его дедом, или прадедом, земля, по которой он прошел первой сохой, которую он первый удобрил и искони пользовался, не была бы его собственностью, не по вашим понятиям о праве, а по праву первого занявшего!.. С наделом вы его прикрепите к земле, и он будет и сотрудник, и помощник добросовестный!». Он считал, что освобождение крестьян без наделения землей приведет к гибели хозяйств, запустению земель.

Тяжело он переживал и осуждал правительственный произвол, репрессии, обрушившиеся на революционеров. «Виселица, плаха не могут... служить и страхом, и примером... все это варварские орудия, поражающие только тело, а не дух. Сила не в каре, а в праве, без сознания которого нет прочности, нет будущности», – считал он.

Интересно и важно его рассуждение о революции в Испании: «Боюсь, чтобы дело... не приняло худого направления вследствие разнородных существующих там партий!

Переход в Республику слишком резок – и быть беде! Посмотрим, может ли народ, так долго костеневший в застое, в неподвижности, может ли он без предварительных упражнений в гимнастике нравственной совершить внезапно подготовленный ему “Salto – mortale!”».

Он считал, что все искусство состоит не столько в преследовании, сколько в исследовании причин, зарождавших беспорядки. И восклицал: «Жаль, жаль гибнувших!».

Дети и внуки

Варвара Александровна – единственная дочь Александра Поджио – 15 августа 1873 года вышла замуж за Владимира Степановича Высоцкого. Он был в службе корнетом лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Указом Правительствующего Сената от 1852 года их род признан во дворянстве, с внесением во вторую часть родословной книги Черниговской губернии (Высоцкие в некотором, отдаленном, родстве с династией Романовых).

Во Флоренции у Варвары и Владимира родились дети: Ольга (1875 г.), Мария (1876 г.), Нелли (1877 г.). Но вскоре Владимир возвращается в Россию, Варвара с тремя детьми остается во Флоренции.

Судьба дочерей в дальнейшем была связана с Италией. Дочь Ольга Высоцкая жила в Генуе, неплохо рисовала. В 1894 году вышла замуж за Джорджио Бенлиура. Но их брак также был несчастлив, она осталась одна с тремя детьми: Карлой (1895-1978), Ларисой (1901-1997), Джорджио (1896-1985). Джорджио женился в 1918 году на Марии Ласпинозо и имел двух детей: сына Джорджио (1922-1989) и дочь Ольгу (1920 г.), которая в 1954 году вышла замуж за Антонио Консерва (1920-1984). Их сын – Мартино Консерва (рождения 1955 г.) – собрал вышеизложенный материал о судьбе детей, внуков и правнуков дочери Александра Викторовича Поджио.

Дочь Варвары Мария была художницей, в семье хранятся ее работы. Некоторое время она жила в России, вышла замуж за Сукачева. Перед Первой мировой войной вернулась в Италию, где и умерла.

Нелли вышла замуж во Флоренции за Оскара Грильи, уехала во Францию, родила дочь Магду. Умерла молодой.

У детей Иосифа Викторовича Поджио судьба сложилась иначе, их жизнь протекала в России.

Александр Иосифович Поджио, старший сын от первого брака, был женат на Варваре Николаевне Муравьевой. Жил в Знаменском, имении его матери. При нем в селе была построена церковь, двухэтажный каменный дом, разбит парк на английский манер. Позднее он стал Торопецким уездным предводителем дворянства.

В наше время эта усадьба, расположенная в живописном месте – на берегу озера Соломенное, находится в разрушенном состоянии. Есть сведения от московских архитекторов, что она в числе других выставлена на продажу. Несколько лет назад здесь проходили съемки фильма «По ту сторону волков».

Софья Иосифовна – дочь от первого брака, замужем за отставным майором Андреем Викентьевичем Плеским. В их семье родилось двое детей. Сын – Владимир Андреевич – и дочь – Наталья Андреевна. Владимир работал управляющим

главной конторой имения Давыдовых в Каменке. Николай Давыдов был женат на сестре Петра Ильича Чайковского, который любил проводить там все лето. Здесь никто не мешал ему отдыхать и работать. Наталья Андреевна Плеская активно участвовала в праздниках и спектаклях, режиссером которых являлся Чайковский. Он поставил в домашнем театре гоголевскую «Женитьбу», в которой Наталья сыграла Агафью Тихоновну.

Своим добрым, спокойным нравом она успокаивающе влияла на импульсивного Петра Ильича, который и посвятил ей фортепианную пьесу «Ната-вальс». В Каменке Чайковский написал около 30 произведений.

Наталья Иосифовна – вторая дочь Иосифа Поджио от первого брака, в замужестве Бодягинская.

Мария Иосифовна – третья и младшая дочь Иосифа Поджио от первого брака, в замужестве Серви-рог.

Супруга А.И.Поджио Лариса Андреевна Смирнова

Внучка И.В. Поджио Наталья Андреевна Плеская

Угол улиц Декабристов и Адмиральской

Дом, в котором родились И.В. и А.В. Поджио

В XIX – начале XX веков дети и внуки Поджио жили в Москве, Торопце, Костроме и в Малороссии – Киеве, Яновке.

Кроме характерных черт лица, смуглой кожи, они унаследовали от предков трудолюбие и постоянные встречи с интересными личностями. Правнучка Иосифа Поджио была в родственных отношениях с семействами Давыдовых и фон Мекк. Ее дочь Гали имела хорошие музыкальные способности и окончила Гнесинскую школу. На каникулах в Арзамасе она встретила с Александром Жевакиным. Они поженились. Он был сыном фабриканта. После смерти отца стал вести семейное дело кошмовальной фабрики в Арзамасе, но для этого ему пришлось оставить учебу в Высшей императорской технической школе (ныне институт имени Баумана). После 1917 года Жевакины переехали в Нижний Новгород и проживали по улице Больничной (ныне Нестерова).

К своим предкам Гали относилась очень трепетно, собирала материалы, статьи о декабристах. Ее дочери Ольга и Ирина танцевали в Нижегородском театре оперы и балета. Сын Сергей был астрофизиком. Великую Отечественную войну он прошел от начала до конца. На фронте даже в минуты затишья связист Жевакин читал «квантовую механику» на немецком языке, за что чуть не поплатился, только после проверки в особом отделе его оставили в покое. После войны преподавал в университете, изучал звезды-гиганты. Вопрос: Почему, подобно маякам, свет этих звезд меняется? – не мог решить крупнейший физик XX столетия Артур Эддингтон. Но эту задачу решил Сергей в 1953 году, а в 1956 году он при единогласном одобрении защитил докторскую диссертацию. В быту он был добрым, щедрым, помог племяннику Юрию – сыну сестры Ольги – выбрать свой путь в науке. Юрий тоже стал доктором физико-математических наук.

Так называемое поместье Поджио – Жевакиных – Куликовых в Нижнем Новгороде, на улице Нестерова, – это старый деревянный двухэтажный дом. Здесь собираются потомки, которые помнят и чтут традиции своих предков, строят жизнь своих семей по фамильному девизу Поджио: «Делай, что любишь и можешь, – тогда войдешь в историю семьи, страны или мира».

В наше время потомки семьи Поджио живут в Болгарии, Франции, Италии и в России.

Мемориальная доска

В городе Николаеве сохранился дом семьи Поджио, где родились Иосиф и Александр. Может быть, когда-нибудь в этом доме будет музей их семьи. На углу улиц Декабристов и Адмиральской установлена мемориальная доска в честь николаевских декабристов братьев Поджио и Николая Чижова.

«Ко благу своих соотечественников»

Н.А. Чижов

Допрос

Перед членами Следственного комитета по делу декабристов стоял молодой высокий 22-летний Николай Алексеевич Чижов. Его белое лицо, голубые глаза, светлые волосы и бакенбарды, тонкий нос, стройная фигура и выправка флотского лейтенанта – все выдавало в нем спокойного, решительного человека. При допросе он не назвал никого, с кем был на Сенатской площади, объясняя, что был один и быстро оттуда ушел. В письменном показании он подтвердил свое членство в тайном обществе, мотивируя свое вступление в него: «...единственно ко благу своих соотечественников». И хотя, действительно, Чижову нечего было предъявить со стороны Следственного комитета, но его члены отнеслись настороженно к его литературным увлечениям и уклончивым письменным ответам. Они усмотрели в Николае опасного человека.

В то время как другу Чижова Александру Литке (брат Федора Петровича Литке), который тоже был на Сенатской площади и вернулся в казармы, было дано монаршее всепрощение.

Несмотря на свои молодые годы, Чижов успел зарекомендовать себя исполнительным офицером, пытливым исследователем и одаренным начинающим литератором.

С братьями Бестужевыми Чижов был знаком несколько лет, а перед восстанием Бестужев сообщил, что великий князь

Н.А. Чижов

Константин Павлович отрекся от принятия престола и что руководители общества решили начать действовать открыто. Утром 14 декабря Чижову сообщили о сборе восставших на Сенатской площади. Явившись на площадь, Николай Алексеевич застал там только Московский полк и поспешил к Измайловцам, а затем в гвардейский флотский экипаж. По показаниям Д.Я. Якушкина, дело обстояло так: «...14 декабря Пущин и Рылеев приезжали утром на сборное место, но, не найдя там никаких войск, отправились в казармы Измайловского полка. На пути они встретились с Чижовым, только что вышедшим из казарм; он их уверил, что никакая попытка поднять Измайловский полк не может быть удачна». Но во всех справочниках Чижов обозначен как участник событий на Сенатской площади.

Арестовали Чижова 17 декабря 1825 года на квартире его дяди и поместили «особо на караул у Петровских ворот». 10 июня 1826 года осужден по 8 разряду и приговорен к ссылке в Сибирь на вечное поселение, а 22 августа срок сокращен до 20 лет.

Расстояние от казарм до Сенатской площади было совсем небольшим, но каким огромным оказалось оно впоследствии для молодого лейтенанта, когда пришлось страдать за попытку помочь другим быть свободными!

Семья Чижовых

В некоторых источниках в биографии Н.А.Чижова указывается год рождения 1799 и место рождения – село Покровское, но, по его личным показаниям в Следственном комитете, он родился 23 марта 1803 года в Петербурге. Его отец – Алексей Петрович Чижов – отставной военный советник Черноморского флота. Мать – Прасковья Матвеевна – владелица поместья в селе Покровское Чернского уезда Тульской губернии. Имела 530 душ крепостных и небольшой конный завод. Кроме Николая в семье Чижовых было еще 4 сына: Петр, офицер 6-го карабинерного полка; Павел, служивший прапорщиком в свите по квартирмейстерской части; Дмитрий и Михаил – курсанты Тульского Алек-

сандровского дворянского военного училища. Род Чижовых числился в родословной Тульского дворянства. Впоследствии один из младших братьев декабриста был женат на внучке деда М.Ю. Лермонтова – Арсеньевой Ефимии Дмитриевне. Еще два брата сочетались браком с Касаткиными-Ростовскими из рода ростовских князей Рюриковичей.

Дядя Николая Алексеевича – Дмитрий Семенович Чижев – был заслуженным профессором Петербургского университета, действительным членом Российской академии наук. По воспоминаниям современников, он был человеком отзывчивым и добрым. Помог многим способным студентам пробиться в науку, например Николаю Ершову – талантливому математику. Дмитрию Менделееву – будущему ученому – он оказал содействие в поступлении в институт в неприемный год.

Так сложилось, что семейство Чижовых состояло в родстве с другими декабристами. Внук Дмитрия Семеновича Чижева женился на родственнице М.А. Назимова. Племянницы Николая вышли замуж за декабриста И.В. Киреева и за родственника декабриста И.Ф. Фохта.

Николай Алексеевич Чижев, будучи еще ребенком, вместе с родителями переехал в Николаев. Воспитывался в Благородном пансионе, который содержал учитель Николаевского Черноморского штурманского училища. Затем учился в штурманском училище. 30 августа 1813 года был произведен и зачислен в Черноморский флот гардемаринном и продолжал обучение у учителя штурманского училища Дружинина. В летние месяцы 1814-1817 годов в целях закрепления морских наук практиковалось плавание по Черному морю: Николаев – Очаков – Одесса. Восторженный юноша во время этих походов по Черному морю пишет о его красотах.

Первый очерк

Греч Н.И. – журналист, писатель, редактор журнала «Сын Отечества» – поместил в своем журнале отрывок из «Воспоминаний о Черном море» Николая Чижева, а затем его очерк «Одесский сад».

В своем очерке «Одесский сад» (1823 г.)¹ Н.А. Чижов запечатлел этническую пестроту населения Одессы. «...Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собралась здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов. Рослый турок ... предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка, сидящая под густой тенью вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в грязном стакане. Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона идет подле бородатых жителей Каира и Александрии; древний потомок норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собралась, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной... Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище...»

Через несколько страниц в этом очерке идут такие строки: «Вдали примечаем человека... тяжелая дума, кажется, лежит у него на сердце. По одежде я узнаю в нем грека. Потомок Мильтиада и Эпиминонда, соотечественник Платона и Пиндара! Угадываю причину твоих размышлений: отчизна занимает твою душу... Утешься, сын Эллады! Греция не может погибнуть. Ужель тот пламенный, который возжег просвещение в Европе, должен быть навсегда потушен варварами?».

Автором точно подмечены черты реальной Одессы в тот период и явно выражается сочувствие восставшим грекам.

Плавание к Новой Земле

В 1818 году Чижова произвели в мичманы и перевели на Балтику во 2-й флотский экипаж. В 1820 году он служил в Архангельске. В 1821 году Николай получил назначение в морскую экспедицию по исследованию малоизвестных арктических территорий островов Новой Земли. Этот архипелаг состоит из двух

¹ Н.Чижов «Одесский сад». Очерк «Сын Отечества».- № 2. – стр. 209, 1823 г.

больших островов, Северного и Южного, разделенных узким проливом Маточкин Шар (2-3 км), и многих мелких островов.

Руководителем 4-летней экспедиции был мореплаватель и географ, позднее адмирал, президент Петербургской академии наук, член-корреспондент Парижской Академии наук Федор Петрович Литке (1797 – 1882 гг.).

С присущей Чижову энергией и полной самоотдачей он изучает архипелаг: проводит топографические съемки, ведет метеорологические наблюдения, изучает флору и фауну. По итогам он пишет очерк «О Новой Земле», который был напечатан в журнале «Сын Отечества», № 4 за 1823 год. Автор дает отчет и свои размышления об арктической экспедиции. Он раскрывает историю открытия и исследования островов, сообщает сведения о полярных льдах, береговой линии, перечисляет острова и заливы, пригодные для стоянки судов, характеризует климатические особенности, дает описание растительности, зверей, птиц южной части Новой Земли. И даже дает рекомендации для развития морских промыслов и торговли, сравнивая отношения к использованию морских ресурсов англичан и голландцев с непрактичным отношением архангельских мужиков.

Новая Земля была известна с древних времен новгородцам. Они нашли там серебряную руду и добывали ее, но позднее разработка рудников прекратилась.

При описании природных богатств арктических островов Чижев отмечал, что моржей там в таком количестве, что можно вести промысел на них. Он опровергает распространенное мнение о неприступности берегов Новой Земли и ее смертельном климате. Его статья представляла собой первый опыт комплексной характеристики одного из самых больших архипелагов Арктики.

Материалы отчета Н.А. Чижова вошли в капитальный труд Ф.П. Литке «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге “Новая Земля”». Вклад Чижова в научные исследования Арктики стал достоянием русской науки. Его именем назван мыс на Кольском полуострове.

Первым читателем и рецензентом статьи Чижова был старший из братьев Бестужевых – начальник Морского музея, исто-

Бриг «Новая Земля»

риограф русского флота Николай Александрович Бестужев. Он в значительной мере повлиял на формирование свободлюбивых взглядов Н.А. Чижова.

Известное влияние на формирование научных интересов молодого путешественника Чижова оказал и его дядя, свободомыслящий профессор.

По возвращении из плавания к Новой Земле Чижев служил в Петербурге и Кронштадте, во 2-ом флотском экипаже, и в апреле 1824 года был произведен в лейтенанты. Через год его назначают в команду 36-пушечного фрегата «Елена», построенного в Архангельске. На нем он совершил плавание из Архангельска в Кронштадт.

А в ноябре этого же года его приняли в Северное общество декабристов.

Первые публикации стихов Чижева стали появляться с 1823 года. Его поэзия была замечена в основном благодаря участию поэта в деятельности Северного общества. Хотя его вступление в это общество оказалось формальным, т.к. в деятельности общества он ничего не успел сделать.

В ссылке

На арестантской подводе Николай Чижев был доставлен в Н.г. Олекминск Якутской области. Как человека впечатлительного, творческого, его поразили природа и люди сурового Сибирского края и убогость их быта.

В сибирской ссылке Чижев продолжает свою литературную деятельность: в 1828 году он написал стихотворение «Журавли» – первое из числа известных нам, баллады «Нуча» и «Воздушная дева», где проявился интерес автора к якутской народной поэзии. В 1832 году эти произведения были напечатаны в «Московском телеграфе», за появление в печати имени ссыльного декабриста против автора вновь подняли дело.

Почти сразу по прибытии в Олекминск, потрясенный дорожными впечатлениями, он написал прошение о переводе его в Якутск. Но его перевели в Иркутскую губернию.

В 1833 году по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского он был отправлен в Александровский винокуренный завод. А затем в том же году перемещен в с. Моты, Жилкинской волости Иркутского округа, расположенное на берегу реки Иркут (приток реки Ангары).

По ходатайству матери Чижева ему было разрешено поступить

в рядовые Сибирского линейного батальона в Иркутске. Немного позднее он был направлен унтер-офицером в первый батальон, в Тобольск.

В это время в Тобольск были переведены декабристы: Фонвизины, Бобрищев-Пушкин, Анненков, Александр Муравьев и др. Между Чижовым и супругами Фонвизиными завязалась крепкая дружба, о чем свидетельствуют их письма.

Собирались декабристы и их друзья в доме Марии Дмитриевны Менделеевой, матери будущего великого химика и патриота России. Там же Николай встретился с учителем Тобольской гимназии, автором сказки «Конек-горбунок» П.П. Ершовым. Ершов пишет одноактные пьесы, организует молодежный театр, в котором они с Чижовым и другими декабристами ставят веселые водевили, а поляк Валицкий ведет музыкальное сопровождение.

В одном из своих писем в Петербург Ершов писал: «Еще приятель мой Чижов готовит тогда же водевильчик “Черепослов”, где Галю (основателю френологии)¹ пречудесная шишка будет поставлена. А куплеты в нем – что ну да на – и в Питере послушать захочется».

Содействие П.П. Ершова помогло Чижову напечатать в 1837 году в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» стихотворение «Русская песня».

Тобольск в то время был крупным торговым и административным центром. Через него часто проезжали ученые, зарубежные научные экспедиции. В том числе норвежская кругосветная экспедиция под руководством морского лейтенанта Дуэ для изучения северных окраин Евразии. Дуэ проявлял большой интерес к этнографии, истории, но при общении с местным населением вынужден был пользоваться переводчиками из числа образованных ссыльнопоселенцев. Чижов познакомился с Дуэ, и они вместе с Н. Бестужевым подружились с норвежским лейтенантом, тесно с ним общались.

В марте 1839 года Чижов получает назначение «в степь воевать с киргизами». В конце этого года М.А. Фонвизин пишет И.И. Пущину: «Чижов наш представлен в офицеры за экспедицию

¹ Френология – лженаука, ставящая способности и судьбу человека в зависимость от наличия шишек на черепе.

в степи». Действительно, в начале февраля 1840 года Николай Алексеевич получил офицерский чин прапорщика и был переведен в Омск, в штаб Сибирского корпуса, где служил помощником начальника продовольственного отдела, который размещался по ул. Штабной (ныне Таубе).

Имея отзывчивую, ироническую натуру, Николай Алексеевич реагировал на многие события общественно-политической жизни.

В 1837 году, когда наследник императора Александр II совершал поездку по России в сопровождении Жуковского, в Тобольске ему дали прочесть оттиснутое в местной типографии стихотворение Чижова, посвященное этому визиту.

Николаю Чижову еще не было и 40 лет, но здоровье было сильно подорвано. В связи с этим ему удалось выхлопотать четырехмесячный отпуск в Тульскую губернию до осени 1842 года. Он провел его у матери, которая все эти 16 лет писала прошения за сына в разные инстанции. По окончании отпуска он уволился со службы с разрешением жить в селе Покровском Чернского уезда Тульской губернии, а позднее – в селе Троицком Орловской губернии, где какое-то время он был управляющим имения Горчаковой, с сохранением секретного надзора.

Мы не имеем портрета Николая Чижова, но на основе описания его внешности и с учетом генетического сходства с его двоюродным дядей составлена версия портрета, созданная А.В. Ермолаевой – художником областного дома народного творчества г. Тулы.

До нас дошло немного произведений Чижова. Его стихи посвящены природе Сибири, настроению автора. Знакомство с ними помогает нам ближе узнать нашего земляка – морского офицера, исследователя Арктики, декабриста Николая Алексеевича Чижова, который, по воспоминаниям современников, «решительно и быстро утверждал себя в военных и морских делах, писал стихи легко и скоро».

Стихи Н.А. Чижова

Журавли

*Чуть-чуть видны на высоте воздушной,
Заслыша осени приход,
Несетесь с криком вы станицей дружной
Назад в полуденный отлет.*

*Туда, где светлого Амура воды
Ласкают зелень берегов,
Не ведая осенней непогоды,
Ни хлада зимнего оков.*

*Свободны вы, как ветер непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной, —
Вы чужды участи моей.*

*Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унести под небеса.*

Олекминск на Лене,
27 июня 1828 г.

Вздoх

*Зачем, во глубине души таимый,
Ты рвешься вон, как узник из тюрьмы?
Покорен будь судьбе непримиримой:
Умри среди молчания и тьмы!
Ты выскажешь скрываемые тайны,
Жилец души безмолвный и печальный.*

*Тебя стерегут, моих страданий вестник,
Безумие и ненависть людей,
И смех врагов, и разума наместник –
Холодный иль пустой совет друзей.
К чему ж, раскрыв заветные скрижали,
В них начертать мне новые печали?*

К N. N.

*Глаза прекрасные и полные огня,
Что смотрите так быстро на меня?
Ужель на облике моем вы прочитали
Причину тайную моей печали?
И если все ваш острый взор проник,
Что крылося в душе моей глубоко,
Об чем молчал коснеющий язык,
Что смертного не достигало ока, –
Ужель на прах надежд моих разбитых
Бесчувственно падет ваш хладный взор
И не прочтет в моих страданьях скрытых
Самим себе начертанный укор!*

Сибирские цветы

*В глуши лесов уединенной
Устрою домик я и сад,
И будет мой приют смиренный
Милей мне каменных палат!*

*Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой;
С полей отчизны, с гор высоких
Сберу цветы страны родной.*

*С долин Даурии гористой
Возьму роскошный анемон,¹
Стасис² блестящий и душистый
И снежной белизны пион.*

*Сберу фиалки полевые,
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой лилии цветы.*

*С вершин высокого Алтая
Переселятся в садик мой
Спирей³ и астра голубая,
Нарцисс с завистливой красой.*

*Возьму душистых роз махровых
С Саянских каменистых гор
И сараны цветов багровых –
Камчатки сумрачный убор.*

¹ Анемон – род травянистых многолетних растений из семейства лютиковых: то же, что ветреница.

² Стасис – редодендрон даурский, багульник.

³ Спирея – семейство розоцветных.

*Пуškai приют мой небогатый,
Взамену счастья даров,
Рукою Флоры тароватой
Украшит роскошью цветов!*

4 мая 1828 г.

Русская песня

*У подгорья студены ключи шумят,
Льются, бьются и на миг замолчат.
Такова у красной девицы печаль:
Друга милого покинуть сердцу жаль.
Злые люди отравили счастья дни,
О любви моей довелись они.
Разлучили с милым другом, развели,
Но забыть его заставить не могли.
В лютом горе утешенье мне одно –
Сесть, задумавшись, под красное окно.
Может, милый друг по улице пройдет,
Грусть от сердца на минуту отведет.
Может, милый на окошко поглядит,
Красну девицу поклоном подарит.
Может, скажет, оглядевшись вокруг:
«Я по-прежнему люблю тебя, мой друг!».*

1837 г.

Литература

1. Ф. Миранда. Путешествие по Российской империи. На побережье Черного моря. (Дневник) Перевод с испанского. «Наука» / Интерпериодика», 2001 год.
2. Марио Корти. «Другие итальянцы: врачи на службе России» С.-Петербург, журнал «Звезда», 2010 год.
3. А.В. Поджио. «Записки декабриста». Москва, 1930 г.
4. Большая Советская Энциклопедия. Том 16, издание 3, 1976 год.
5. ЦГАОР, ф. 109, 1 экспедиция.
6. Николай Белоголовый. «Воспоминания сибиряка». Иркутское Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988 год. Литературные памятники Сибири.
7. Н. Кухар-Онышко. Данило Самойлович и развитие здравоохранения в Николаеве. г. Николаев: Изд. И. Гудым, 2010 год.
8. Историко-краеведческий выпуск «Именовань – город Николаев». Николаев, 1989 год.
9. Бригита Иосифова. Декабристы. Москва: Прогресс, 1963 год.
10. И.С. Зильберштейн. Художник декабрист Н. Бестужев.
11. Используются материалы с сайтов Анны Самаль «Виртуальная энциклопедия декабристов» и С.В. Бойчук о Богоявленском госпитале.
12. М.А. Фонвизин. «Сочинения и письма». Иркутск: Восточно-Сибирское изд., 1979 г. Стр.162, 172.
13. А.Ф. Бригген фон/Дер. Письма, исторические сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское изд., 1986 г.
14. П.П. Ершов. «Литературные памятники Сибири». Восточно-Сибирское изд. 1984 г.
15. Декабристы: Биографический справочник. Ред. М.В. Нечкиной, Москва: Наука, 1988 г. Стр.196.
16. «Поэзия декабристов». Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1950 г. Стр. 681-690.

Содержание

Семья Поджио, их время и судьбы

Вместо предисловия	3
Путевой дневник Миранды и тайна Поджио	6
Борьба за Крым	10
Подготовка к очередной войне	14
Война за Северное Причерноморье	18
Рождение сыновей	21
Участие в строительстве Одессы	22
Отважные сыны Отечества	24
Судьба Иосифа Поджио	28
В «каменном мешке»	32
Мария сдалась	36
Приезд Иосифа в Сибирь	39
Попытка жениться	40
Жизнь Александра Викторовича Поджио	43
Жизнь после амнистии	49
Эпистолярное наследие А.В. Поджио	56
Дети и внуки	57

«Ко благу своих соотечественников»

Допрос	64
Семья Чижевых	66
Первый очерк	67
Плавание к Новой Земле	68
В ссылке	71

Стихи Н.А. Чижова

Журавли	74
Вздых	75
К N. N.	75
Сибирские цветы	76
Русская песня	77
Литература	78

Науково-популярне видання

Ніна Василівна Кравцова

(російською мовою)

Брати Поджио та М. Чижев

Коректор Кочеткова Н.В.
Верстка, дизайн Сивак В.В.

Підп. до друку — Формат 64x90/32. Папір офсет.
Гарн. Times Друк офсет. Ум. друк. арк. 5,5.
Наклад 150 прим. Зам. № 10

Видавець і виготовлювач Видавництво Ірини Гудим
54030, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20
Тел. (0512) 37-37-18 (0512) 37-27-00
irina.gudym@gmail.com gydim.nikportal.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи МК № 3 від 14.05.2002